Семь ключей от зазеркалья

Автор:
Ольга Куно

Семь ключей от зазеркалья

Ольга Александровна Куно

Звезды романтического фэнтези

Готова ли беглая преступница, люто ненавидящая монарха, сотрудничать с королевским сыном? Нет, нет и еще раз нет! Но, если на карту поставлена судьба целого мира, придется переступить через свои предубеждения. А значит, Йоланда Блэр, магистр зеркальных глубин, готова выйти из тени. Блистать на балу в королевском дворце, устроиться преподавателем в Институт магии и стихий, сражаться с величайшим из колдунов, терпеть общество вспыльчивого принца, водить дружбу с обаятельным деканом… И все это – ради того, чтобы найти убийцу. Сумеет ли Йоланда остановить преступника прежде, чем он достигнет своей цели – раздобудет семь ключей от Первозданного зеркала? Итак:

Семь магических ключей

В нашем мире есть.

Один хранитель был убит,

И их осталось шесть…

Ольга Куно

Семь ключей от зазеркалья

© О. Куно, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Незваные гости

Видавшее виды кресло-качалка мерно поскрипывало в такт моим неспешным движениям. Я перелистнула страницу, предварительно скептически хмыкнув. Автор сего научного труда конечно, неплохо разбирался в теневой магии, но излишне увлекся метафорами и потому выражался порой чересчур витиевато. А ведь исследовательская работа – это вам не сентиментальный роман, тут важна точность определений. В очередной раз убедившись в несовершенстве вселенной, я продолжила скользить взглядом по рунной вязи.

В камине тихонько потрескивал огонь. Не магический: я не наделена способностью работать со стихиями. Зато растопить очаг вполне в состоянии. Равно как и набрать для этой цели хвороста, либо, в случае надобности, наколоть дров. До?тье, моей единственной служанке, это в силу почтенного возраста тяжеловато, а мне несложно. Я даже колдовство для этой цели не использую… почти.

Деревянная кукушка высунулась из старинных настенных часов, издала пару невнятных звуков и под моим мрачным взглядом поспешила спрятаться обратно в свой потайной домик. Давно пора ее оттуда выковырять, чтобы не отвлекала. Монотонно тикающего механизма вполне достаточно, а ежечасно напоминать мне о времени совершенно не нужно. Когда потребуется, я сама посмотрю. А требуется редко. Думаю, я бы и о течении суток давно позабыла, если бы день за окном не сменялся ночью и наоборот.

Запрокинула голову, стремясь размять шею, и взгляд случайно коснулся белесой, как туман, паутины в углу под потолком. Да нет, жилище у меня, может, и не сверкает белизной, но вполне чистое, а это… Лень добираться, уж

больно высоко. К тому же мне жаль паука: зачем жестоко лишать его любовно обустроенного дома? Только ради того, чтобы какой-нибудь случайный гость (каковых здесь, к слову, и не бывает) не покосился на хозяйку с неодобрением? Так мне до его неодобрения дела нет, а пауку и подавно. А посему пускай живет себе спокойно и не ведает неприятностей.

Я собралась было возвратиться к чтению, прикидывая, какую забавную формулировку припас автор на очередной странице, как вдруг высокое прямоугольное зеркало на противоположной стене дрогнуло, будто подернулось рябью. Давно установленная система оповещения давала сигнал: кто-то приближался к границам моих владений. Еще не вторгся на мою территорию, но определенно собирался сделать это в ближайшее время.

– Занятно, – пробормотала я, ставя ноги на пол и прерывая тем самым раскачивание кресла. – Похоже, у нас гости. Поможешь?

– Конеш-ш-шно, – прошелестело рядом.

Едва заметная размазанная тень с зеленым отливом скользнула к стеклу.

Сосредоточившись, я немного изменила направление, в котором было развернуто зеркало. Нет, сам предмет не трогала, работала исключительно с внутренней его частью. Мой помощник позволил без труда сориентироваться, подобрав нужный ракурс. Затем я стала отодвигать зону охвата.

Каменная комната, обустроенная под деревянную благодаря паркету и стенным панелям, вскоре исчезла. Гладкая поверхность отразила широкую дорогу, по которой быстро продвигалась карета, запряженная четверкой вороных. Воин на крупном гнедом коне старался держаться с ней вровень и мрачно глядел вперед, словно ожидал неприятностей в любую секунду. На обычного стражника не похож, хотя черты лица простоваты, да и рыжие волосы – не самая характерная для аристократов черта. Но уж больно ровно держится в седле, слишком явно читается в глазах, несмотря на тревожность, то ли высокомерие, то ли просто чувство собственного достоинства – пойди разбери. В воздухе клубами тумана витала дорожная пыль, и лишь малая ее толика поднималась из-под колес и копыт. Главной причиной был ветер, он всегда очень сильный в этих краях… Быть может, потому я здесь и поселилась.

Люблю ветер: холодный промозглый; горячий пустынный; легкий, едва касающийся кожи, ураганный, сбивающий с ног… Любой. Первое время полтора года назад я подолгу могла стоять, просто подставив лицо ветру. Движение есть жизнь, движение же воздуха – это жизнь самого мира… Но я отвлеклась.

Возница погодные условия явно не оценил, повыше поднял воротник, натянул на самые уши шапчонку. Этот и правда был похож на слугу, в отличие от всадника. Решив, что снаружи я увидела достаточно, я направила зеркало внутрь кареты. Экипаж добротный, принадлежит богатому человеку, но никаких опознавательных знаков вроде герба ни здесь, ни снаружи не было. Удобная мягкая обивка на скамьях и даже на стенках. Друг напротив друга сидят двое. Один постарше, лет пятидесяти – шестидесяти. Черные волосы с проседью не прямые, но и не кудрявые, слегка завиваются, спускаясь к плечам. На лбу, а также вокруг глаз и у уголков губ, пролегли морщины. Одежда вроде кареты: богатая, но безликая. Поза выдает напряженность. Второй ощутимо моложе и весьма похож на сопровождающего карету всадника, если не считать тонкую короткую бородку: рыжеволосый, высокий, одетый по-военному и выглядящий аристократично. Впечатление складывается такое, будто эти двое обеспечивают охрану того, что постарше, каждый на своей позиции.

Я слегка шевельнула пальцами – и отражение в зеркале почти сразу же стало прежним: паркет, камин, кресло-качалка, и – на самом его краю – моя скромная персона.

Ну что ж, поздравляю тебя, Хаш, – побарабанив кончиками пальцев по подлокотнику, объявила я. – К нам едет с визитом сам король Эльмирры.

– Для тебя это опас-с-сно? – спросил мой помощник, юркнув во флягу с портвейном – его любимое место в часы спокойствия.

– Нет, – покачала головой я. – Не сейчас. Если бы меня хотели арестовать, прислали бы отряд и обязательно мага. А среди этих троих магов нет. Да и не станет король лично заниматься поимкой беглых преступников. Нет, тут что-то другое. Хотя хорошего ожидать все равно не стоит.

– Где будеш-ш-шь их принимать?

К этому моменту я уже успела подняться на ноги и без особого сожаления отбросить томик на кресло.

– В зеркальном зале.

Дверь скрипнула, прежде чем захлопнуться за моей спиной. Надо бы смазать, да все как-то лень.

* * *

Громкий стук (кто-то из троих явно не пожалел костяшек) возвестил о том, что незваные гости добрались наконец до моего жилища. Дотья, забубнив себе под нос, что вот принесла, дескать, нелегкая, прошаркала открывать. Я наблюдала за происходящим посредством простенького круглого зеркала, висевшего недалеко от входа и не привлекавшего к себе внимания.

– Кто такие будете?

В голосе служанки не было ни капли приветливости, что полностью меня устраивало. Я не желала гостей с самого первого дня, когда здесь поселилась. Так что этим стоило бы сказать спасибо, что их хотя бы пустили на порог.

– Мы разыскиваем Йоланду Блэр, магистра зеркальных глубин третьей ступени, – требовательно заявил молодой бородатый мужчина вместо того, чтобы представиться. – Здесь она живет?

Старая женщина нетерпеливо пожала плечами.

– Здесь живет моя хозяйка, – сухо отозвалась она. – А о глубинах да ступенях мне неведомо.

– Она могла назваться любым именем, – заметил второй рыжеволосый страж, обращаясь к своим спутникам.

– Нам нужно поговорить с твоей хозяйкой, – продолжил переговоры первый.

– Не принимает она.

Уголок моих губ одобрительно дернулся: все правильно. Дотья говорит так, как я учила.

– И все-таки, почтеннейшая, доложите ей о нашем визите.

Что ж, если лично король просит о встрече, как я могу отказать?

– Дотья, проведи господ в зеркальный зал, – распорядилась я.

Визитеры тревожно вскинули головы и принялись озираться по сторонам: им было непонятно, откуда исходит мой голос. Конечно, этот трюк – вещание через зеркало – чистой воды показуха, и прежде я бы побрезговала прибегать к подобным средствам. Но сейчас изящество выбранного метода мало меня заботило, значение имела исключительно действенность. В сущности, эти трое не впервые столкнулись с магом и могли догадаться, что за фокус я использую, но неожиданность в сочетании с нервным напряжением дали хороший результат.

– Как скажете, госпожа.

Дотья, единственная, кого нисколько не удивил доносящийся «из ниоткуда» голос, закрыла дверь, приняла у мужчин плащи и двинулась вперед, указывая дорогу.

Комната, в которой я их приняла, была, против обыкновения, не прямоугольной или квадратной, а имела форму гексагона. На каждой из шести стен висело по зеркалу, что создавало впечатление, будто посетитель находится в центре лабиринта отражений. Отчасти тоже своего рода пижонство. Почти все, что можно сотворить при помощи шести зеркал, вполне реально проделать и с одним. И все же для некоторых видов колдовства такая множественность была удобна, к тому же в случае побега так значительно легче запутать следы. Преследователь, каким бы сильным магом он ни был, не более чем человек, а потому подвластен действию оптических иллюзий.

Я сидела на стуле с узкими подлокотниками, чем-то напоминающем трон. Должно быть, за счет высокой внушительной спинки, расширяющейся кверху. Возможно, гостям такое поведение и не понравится, но это уже их проблемы. Зато мой посыл будет предельно ясен: здесь я сама себе госпожа и не преклоняюсь ни перед чьей властью.

Дотья покинула зал, едва мужчины оказались внутри. Собственно, она даже не заходила: распахнула дверь, пропуская визитеров, после чего аккуратно закрыла ее с той стороны. Мы остались вчетвером. Если, конечно, не считать многочисленных отражений, благодаря которым могло сложиться впечатление, что нас здесь целая армия. Но я давно привыкла абстрагироваться от подобных вещей, а если гости не обладали таким умением, что ж, им же хуже. Значит, они будут чувствовать себя менее комфортно, а это в моих интересах.

Немного поколебавшись, я все-таки решила встать. Негоже не оказать монарху хоть немного уважения, уж коли он счел возможным – и даже необходимым – лично забраться в такую глушь. Колен, однако же, преклонять не стала.

– Король Эдбальд, милостью богов правитель Эльмирры! Приветствую вас в своем доме.

Я указала посетителям на стулья, расположенные напротив моего и на приличном от него расстоянии, после чего вновь опустилась на сиденье. На мой взгляд, политесов было довольно. Спутники его величества полагали иначе, это явственно читалось в их взглядах. Спектр эмоций колебался от неодобрения к враждебности. Более точно в своих чувствах молодые люди, похоже, еще не определились. Зато король остался вполне спокоен, хотя это могло быть признаком как внутренней уравновешенности, так и умения держать лицо. Впрочем, для монарха оба качества неплохи. Так или иначе, он принял приглашение, в то время как его сопровождающие продолжили стоять. Что ж, если не желают дать отдых ногам, их право. Возможно, им так положено по нынешнему статусу.

– Здравствуй, Йоланда. Вижу, ты меня узнала.

– В прежние дни мы неоднократно встречались, а я не жалуюсь на плохую память.

Желай он сохранить инкогнито, я бы, возможно, и не спешила с приветствием. Но массивная золотая цепь, королевская регалия, обнаружившаяся под бесформенным плащом, свидетельствовала об обратном.

Тихонько звякнула кольчуга, когда один из рыжеволосых переступил с ноги на ногу. То ли никак не мог смириться с манерой моего поведения, то ли просто испытывал физический дискомфорт. «А нечего было пренебрегать предложенными стульями», – мстительно подумала я. Тяжелые палаши, висевшие на поясах стражей, наверняка не добавляли удобства, но и не способствовали пробуждению во мне сочувствия к их обладателям.

Взгляд выхватил мое собственное отражение в одном из зеркал. Одеяние, совершенно не подобающее с точки зрения моих гостей. Мягкие мужские брюки цвета яичного желтка, коричневая рубашка, тоже мало чем отличающаяся от мужской, широкий кожаный ремень и светлый жилет из козьей шерсти. Камины каминами, но не весь дом прогревается одинаково хорошо. Бледное лицо без всякого макияжа, отчего я, должно быть, выгляжу старше, чем могла бы. Плевать. Двадцать восемь или тридцать пять, какая разница? Каштановые волосы лежат вполне послушно, но о замысловатой прическе речи не идет. Женщины при дворе выглядят иначе, но я давненько не бывала при дворе и совершенно туда не стремлюсь.

– Ты сильно изменилась.

Я с удивлением воззрилась на монарха; маска равнодушия, избранная для разговора, на миг слетела с моего лица. Зачем он это сказал? Просто поддержал беседу, имея в виду, что у него тоже хорошая память? Даже если и так, хотелось плюнуть ему в лицо. Изменилась? Еще бы. Вашими стараниями, ваше величество. Кто, интересно знать, не изменился бы на моем месте?

Он словно почувствовал, что сказал что-то не то, и поспешил сгладить впечатление:

– Я пришел, чтобы просить тебя о помощи.

– О помощи?

Я расхохоталась, и, хотя зеркала не усиливают эха, казалось, отголоски моего смеха прокатились по всем бессчетным отражениям торжественного зала. На лице Эдбальда не дрогнул ни один мускул. Возможно, он был готов именно к такой реакции.

– Ты, король Эльмирры, пришел за помощью ко мне, беглой преступнице, осужденной на пожизненное заключение за государственную измену?

Один из рыжеволосых поджал губы, и я поняла: его крайне смущает то, что я сейчас озвучила. Однако приказы правителя не обсуждаются, и приходилось терпеть.

Зато самого короля моя формулировка не смутила.

– Я не вполне уверен, что приговор был справедливым, – только и уточнил он.

– Очень своевременное замечание, – ядовито процедила я.

– И да, я пришел, чтобы нанять тебя для исполнения важнейшего задания, – проигнорировал мое замечание Эдбальд.

– Невзирая даже на мой побег из тюрьмы?

– Именно благодаря этому побегу. Лучшие дворцовые маги приложили максимум усилий, зачаровывая место твоего заточения. Использовали имевшиеся у них знания и мастерство. А ты все равно сумела сбежать. Стало быть, ты сильнее их или умнее. Ты обладаешь поистине бесценным даром. И следовательно, мне нужна именно ты.

Какое-то время я глядела на короля, будто он был экспонатом из музея восковых фигур. Сама, впрочем, от удивления застыла так, словно меня выставляли на соседнем стенде.

– Это неожиданное предложение, – признала я наконец. – Но мой ответ: нет.

– Ты даже не знаешь, в чем заключается задача.

Эдбальда, похоже, мой отказ не слишком впечатлил. Как видно, пока я вела себя более предсказуемо, чем его величество.

– Именно поэтому не хочу затягивать. – Может, я и предсказуема, зато непреклонна. – Не сомневаюсь, что дело, с которым вы пришли, секретное. А я не желаю быть посвященной в государственные тайны.

– А если ты изменишь мнение, узнав, в чем суть?

– Не изменю. – Я поняла, что невольно приняла слишком напряженную позу, и откинулась на спинку стула. Но говорить продолжила жестко: – Неважно, о чем пойдет речь. Я не желаю иметь ничего общего с королевским двором, с Эльмиррой и с человеческим обществом в целом. Я живу отшельницей, мне это нравится, и я ничего не собираюсь менять в своей жизни.

Я с вызовом взглянула Эдбальду в глаза, силясь понять, в полной ли мере он осознал смысл моих слов. Но получила ответ с другой стороны.

– Вы забываете о том, что перед вами король, а вы – осужденная преступница. – Лицо безбородого стражника пылало гневом. – Не боитесь, что вас попросту закуют в кандалы и возвратят в тюрьму, где вам самое место?

На моем лице заиграла почти ласковая, но очень злая улыбка. Я медленно повернула голову, чтобы встретиться взглядом с рыжеволосым наглецом.

– Не боюсь, – обманчиво мягко сообщила я, крепко сжав пальцами хрупкие подлокотники. – Как справедливо заметил его величество, – стоило как бы невзначай напомнить этому типу, что он вмешивается в чужую беседу, – я уже бежала из острога, несмотря на все старания ваших лучших магов. Сделала это один раз – сделаю и другой. Конечно, этому будет предшествовать не самый приятный промежуток времени. Но после трех лет заключения в одиночной камере это сущая ерунда.

– На сей раз маги могут поработать лучше, учитывая прошлые ошибки, – подавшись в мою сторону, процедил страж.

– Это ничего не даст. Они и в прошлый раз поработали на совесть. Найти решение было сложно, и на это потребовались годы. Но теперь, когда я его нашла, меня не остановить. Можете поверить мне на слово. Можете и не верить, дело ваше, но факт остается фактом: долго удержать меня взаперти не выйдет. Другое дело, что меня вполне реально убить. Магия никого не делает всесильным. Можно вогнать мне между ребрами арбалетный болт, отделить голову от туловища при помощи гильотины или даже вздернуть на виселице, хотя последний вид наказания обычно применяется к преступникам попроще. Но видите ли, в чем беда: я не так уж сильно боюсь смерти. До определенной степени боюсь, конечно: я достаточно молода и хочу воспользоваться годами, которые отпущены мне судьбой. Но, говоря откровенно, моя жизнь не настолько хороша, чтобы цепляться за нее всеми правдами и неправдами. И точно не настолько, чтобы выкупать ее ценой своей свободы. Буду еще более откровенна, хоть вы того и не заслужили: длительного тюремного заключения я боюсь намного больше, чем смерти. Но вот загвоздка: если второе вы мне обеспечить можете, то первое – нет.

Я удовлетворенно сложила руки на груди, дескать, парируйте теперь, если сумеете. Добавлять, что просто так на заклание не пойду и, если придется, жизнь свою продам дорого, не стала: надеюсь, всем троим хватает ума, чтобы это понимать.

– Подожди, э… – Король запнулся, не зная, как обратиться к своему стражу. Это меня нисколько не удивило. – В мои планы вовсе не входило запугивать тебя, Йоланда. Напротив, как я уже говорил, я хочу тебя нанять. То есть предоставить достойное вознаграждение за твои труды. Чего ты хочешь? Назови любую сумму – ты ее получишь.

Любую? Это было, мягко говоря, неосторожное заявление для монарха. Эдбальд не переставлял удивлять. Впрочем, у меня не возникло ни малейшего желания воспользоваться его опрометчивостью.

– Мне не нужны деньги, – коротко и, надеюсь, доходчиво сообщила я.

На сей раз заметно отреагировал второй сопровождающий, обладатель тонкой рыжей бородки. Недоверчиво скривился, явно ни на грош не веря моим словам.

– Значит, не деньги, – откликнулся король. – Что тогда? Поместье? Титул? Место придворного мага? Оно у тебя уже было, и я готов его вернуть. Или, может быть, ты предпочитаешь исследования? – Он бросил проницательный взгляд на книги, которые в этом зале тоже имелись. – Могу устроить тебя деканом факультета зеркальных глубин в Институте магии и стихий.

«Всего лишь деканом? – подумалось мне с сарказмом. – Отчего же сразу не ректором? Если такие вопросы решают не профессиональные качества, а высочайшее решение?»

– Большего предложить пока не могу. – Эдбальд словно прочитал мои мысли, правда, без присутствовавшей в них иронии. – Ректор выбирается исключительно из сотрудников института. Но если пожелаешь, сможешь продвинуться по карьерной лестнице очень быстро, я посодействую. Как видишь, я говорю с тобой откровенно и обещаю только то, что могу – и намереваюсь – осуществить.

– Это невероятно щедрые предложения, ваше величество, – искренне ответила я. – Но должности нужны мне не больше денег.

– Дом на морском побережье, вдали от людей? – тут же скорректировал предложение Эдбальд.

Молодец: умеет быстро оценивать ситуацию и неплохо меня прочитал. Хотя и не идеально. Иначе бы понял, что я не соглашусь ни на какую подачку.

– Насколько мне известно, границы Эльмирры не омываются морями. Неужели что-то столь сильно изменилось за время моего отсутствия? – изумилась я.

– Кроме Эльмирры есть и другие страны, – передернул плечами король, давая понять, что я упомянула совсем уж несущественную деталь. – Договориться с соседями о такой малости – не проблема. Но вижу по лицу, что тебя не устраивает и это.

– Мне крайне неловко отбирать у вас столько времени, ваше величество. Но я ведь сразу дала свой ответ.

– Мы еще не предложили главного, – с ухмылкой вмешался в разговор бородатый. – Хорошего мужа и детишек. Может быть, именно это растопит холодное сердце госпожи мага?

– Мужа – допустим, а детишек тоже вы станете обеспечивать? – поинтересовалась я из чисто теоретического любопытства.

– А что, я могу, – усмехнулся рыжий. – С женитьбой, правда, не выйдет, а все остальное – с легкостью.

– Помолчи! – резко оборвал Эдбальд. И, глядя мне в глаза, отчеканил: – Разумеется, полная амнистия.

Это, конечно, было ценно. Намного ценнее всего перечисленного прежде. Просто потому, что давало мне спокойствие. Не придется ожидать, что меня в любую минуту найдут и вторгнутся в относительно отлаженную жизнь, как вот сейчас, а то и с гораздо большими потерями. Королевское слово не то чтобы нерушимо… Но нарушается лишь в случае крайней необходимости. Иными словами, если синоду магов потребуется козел отпущения, обо мне вполне могут вспомнить снова… Нет, не пойдет.

– Это очень заманчивое предложение, – произнесла я вслух. – Однако, как видите, я неплохо обхожусь и без амнистии.

– Мы напрасно теряем время. – Видимо, выдержка безбородого стража достигла предела. – Простите, ваше величество, но мы пришли не к тому человеку. Мир под угрозой уничтожения, а она ведет торг!

Признаюсь, его слова произвели на меня впечатление. Такое, что я даже не стала указывать на элементарную ошибку: торговался в данном случае король, я же всего лишь стремилась поскорее закончить переговоры. Но теперь сказанное меня все-таки зацепило.

– Угроза уничтожения? – переспросила я. – Это любопытно.

– Любопытно! – тоном, полным презрения, передразнил безбородый.

Но мне до его презрения не было никакого дела, а Эдбальд, кажется, и вовсе пропустил последний комментарий мимо ушей: слишком важной для него стала моя заинтересованность.

– Значит, ты все-таки готова послушать?

Я застыла, напряженно думая. Не следовало, ох не следовало идти на поводу у эмоций. Что-то подсказывало: получу информацию – и выйти безучастной уже не смогу. Но, волей или неволей, рыжеволосый меня заинтриговал, и я решила, что готова рискнуть.

– Да, – лаконично ответила я и тут же поспешила добавить: – Но окончательный ответ я дам только после того, как узнаю, о чем идет речь.

– Иного я и не ожидал, – ответил король, а я подумала, что последний обмен репликами совершенно бессмыслен.

Никто не позволит мне сорваться с крючка после того, как я узнаю правду. Но угроза существованию мира – если, конечно, это не выдумка, – достаточно весомый повод для небольшого личного риска.

– Полагаю, ты слышала про Первозданное зеркало? – осведомился Эдбальд.

– Безусловно, – кивнула я.

– Что именно тебе о нем известно?

То ли пытается заставить меня почувствовать себя причастной, втянув в разговор, то ли не хочет сболтнуть лишнего, случайно поведать что-то, чего я не знаю.

– Магическое зеркало, позволяющее мгновенное перемещение на самый глубокий, четвертый, уровень зазеркалья, – не стала упираться я. – Только магу соответствующих способностей и специализации, разумеется. Для всех остальных оно просто обычный кусок стекла.

– И ты представляешь себе, какие возможности открывает перед волшебником такой артефакт?

– С-с-слиш-ш-шком больш-ш-шие, – высунув голову из своего убежища, прошипел Хаш.

Его появление возымело потрясающий эффект. Один стражник выхватил из ножен палаш, второй отшатнулся, кажется, готовый бежать со всех ног, и даже Эдбальд чуть не упал со стула.

– К-кто это? – нервно сглотнув, осведомился он.

– Это Хаш. Зеленый змий, – представила я. – Хаш, это Эдбальд, король Эльмирры.

– Не с-с-скаж-ж-жу, ш-ш-што рад з-з-знакомс-с-ству, – заявил мой приятель. – А ты закрой пас-с-сть, не то прос-с-студиш-ш-шься, – посоветовал он ошалевшему безбородому, действительно стоявшему с раскрытым ртом.

– Не дерзи, – напомнила о хороших манерах я, впрочем, без особого рвения.

Приятно, когда тебя поддерживают. Особенно если жизнь не слишком-то баловала тебя таким явлением.

– Змий? – переспросил монарх, благоразумно закрывая глаза на невежливость оного.

– Ну, не совсем, конечно, – уклончиво отозвалась я. – Скажем так: он принадлежит миру зазеркалья. Но в данный момент предпочитает мое общество. И флягу с портвейном, разумеется.

Уточнять, почему разумеется, никто не стал. А Хаш, напоследок продемонстрировав визитерам длинный раздвоенный язык (тоже чистой воды показуха, не рептилия же он, на самом деле), скрылся в сосуде, громко булькнув золотисто-коричневой жидкостью.

– Кстати, портвейна не желаете?

Нельзя же вовсе забывать о законах гостеприимства! Но гости широту моего жеста не оценили и замотали головами так отчаянно, что я поняла: портвейн они не станут пить не только сейчас, но и, по-видимому, всю свою оставшуюся жизнь.

– Так о чем мы говорили? – светским тоном вопросила я.

Эдбальд, сглотнув, поднял на меня тяжелый взгляд:

– О тех возможностях, какие открывают магу зеркала.

– Как известно, наш дар позволяет воздействовать на мир косвенным образом. – Я решила компенсировать страх, который вызвало в гостях явление Хаша, подробным ответом. – Предмет неразрывно связан со своим отражением и с тенью, которую он отбрасывает. Его свойства определяют форму, размер, очертания, а в случае с зеркалом и цвет. Разумеется, в сочетании с другими факторами, такими, как освещение и форма поверхности. В своей работе маг должен учитывать все нюансы, вплоть до самых крохотных деталей. Но суть сводится к одному: меняя отражение, мы меняем оригинал. Грубо говоря, кошка не может, поглядевшись в зеркало, увидеть там собаку. Если мы переделаем отражение так, чтобы оно получило свойства собаки, то природа исправит получившееся несоответствие. И тогда в реальном мире кошка превратится в пса.

– И какую роль играет в этой истории глубина?

Король впился в меня взглядом так, словно ожидал, что сейчас я раскрою ему невероятную тайну, а не сообщу то, что давным-давно известно каждому студенту.

– Вообще-то уровни отличаются один от другого самыми разными свойствами, – уклончиво ответила я. – Но в общих чертах – чем глубже погружается маг, тем более радикально он может воздействовать на реальность. Я привела пример с кошкой и собакой для наглядности, но в действительности проделать подобное очень сложно. И на первом уровне никак не удастся. Тут можно скорее… подправить рост или изменить цвет волос. Стереть морщины. Чем и занимаются в зеркальных салонах красоты. Для серьезного воздействия нужно опуститься глубже, на второй или даже третий уровень. Правда, работа там – намного более

тяжелая, и способен на нее далеко не каждый. Тут требуется дар выше среднестатистического и соответствующее образование.

– А что ты можешь сказать о четвертом уровне? – спросил Эдбальд, наконец подводя меня в главному.

– Четвертый уровень дает магу неограниченные возможности, – проговорила я, чувствуя, как по спине пробегает холодок. – Но проникнуть туда, насколько мне известно, можно только через Первозданное зеркало. Вы же не хотите сказать, что его похитили?

– Пока нет, – покачал головой король. Такой ответ внушал оптимизм, но и чувство тревоги тоже. Смущало слово «пока». – Но давай вернемся к моему вопросу. Что еще тебе известно об этом артефакте?

– «Первозданное» – не совсем точное слово, хотя название получилось красивое, – отозвалась я, краем глаза отмечая, сколь внимательно прислушиваются к моим словам рыжеволосые. Может, денег с них стребовать за незапланированную лекцию?.. – Зеркала существовали задолго до его появления. Но оно стало особенным, первым в своем роде и, как впоследствии оказалось, единственным. Его создали величайшие мастера древности, но, помимо людей, руку приложила природа. Совпало много факторов: лунное затмение, возмущения магнитного поля Земли, необычная вулканическая активность. Словом, повторить научный прорыв так никому и не удалось. Вероятно, оно и к лучшему – учитывая то могущество, которое артефакт дает посвященным.

– К лучшему – несомненно, – для разнообразия согласился со мной безбородый. – Но почему и этот, единственный, экземпляр не уничтожили? Слишком опасная вещь и слишком большое искушение для некоторых.

Эдбальд поморщился: кажется, спор на эту тему начинался не впервые.

– Любую силу можно использовать как во вред, так и во благо, – объяснила я, хотя до таких простых истин собеседнику следовало бы дойти своим умом. – В человеческих руках, между прочим, можно держать смертоносный меч, да и ногой можно пнуть так, что мало не покажется. Особенно если с размаху и по почкам. Это кстати очень больно. Вам никогда не доводилось через такое

проходить? Я так и думала, что не доводилось. Так вот, что теперь прикажете, поотрубать людям все конечности? Тогда и про головы не забудьте: вот уж где рождаются самые страшные замыслы. А если не хотите – тогда и с артефактами извольте поосторожнее. Первозданное зеркало используют, когда человечеству грозит большая беда. Шестьсот лет назад придворный маг Антоний Лизарский предотвратил с его помощью страшный потоп. Выставил стену, которая не позволила огромной волне накрыть треть континента. А еще за триста лет до этого нескольким членам синода удалось совместными усилиями остановить извержение вулкана, которое должно было попросту стереть Эль Мирию (нынешнюю Эльмирру) с лица земли. Нет, уничтожать зеркало благоразумно не стали. Насколько мне известно, вместо этого его надежно спрятали, к тому же еще и придумали какой-то особенно хитрый замо?к. Собственно, вот все, что я могу рассказать, – обратилась я уже к королю. – Теперь ваша очередь.

Эдбальд кивнул и тяжело вздохнул: то ли история предстояла долгая, то ли неприятная, а вероятнее всего, и то, и другое.

– Маги древности действительно надежно укрыли зеркало и создали для этой цели хитрый, как ты выразилась, замок. Да только, похоже, перехитрили самих себя, – пробормотал он. – Мудрецы не хотели, чтобы артефакт попал в руки алчного и амбициозного человека, который использовал бы его в своих личных целях. Сговор двоих тоже нельзя было исключать. В итоге был создан особенный механизм, открывающий проход лишь в том случае, если в затворе одновременно проворачивали семь ключей. Ключи же эти распределили между людьми, принадлежащими к разным сообществам, зачастую не слишком дружным между собой. Идея заключалась в том, что в случае подлинной нужды – к примеру, извержения вулкана или приближения цунами – конфликта интересов не будет, и все как один встанут на защиту городов, а то и континентов. Зато никому не удастся использовать столь мощный козырь в политических играх, где у каждого свои цели и чаяния. И этот замысел работал – до поры до времени. За многие века к помощи зеркала прибегали всего дважды, оба раза – со всеобщего согласия, дабы избежать страшнейших катастроф.

– Могу я спросить, как были распределены ключи? – полюбопытствовала я.

– Можешь, – милостиво кивнул Эдбальд. – Их получили люди, наделенные властью, но властью разного рода, и каждый ключ был при создании настроен на определенного хозяина. Один достался члену королевской семьи, другой – архиепископу, главе церковного ордена, третий – ректору Института магии и

стихий, также обладавшему в ту эпоху немалым влиянием, большим, пожалуй, чем на сегодняшний день, и, главное, почти не зависевшему от монарха. Я перечислил три, не так ли? – Он нахмурил густые брови и принялся загибать пальцы. – Четвертый – первый министр, он возглавлял государственный совет и в некоторых случаях мог позволить себе спор даже с королем. Пятый – главнокомандующий армий. Думаю, не стоит объяснять, какие возможности в его распоряжении. Шестой – один из придворных магов, тот, что обладает даром работать с зеркалами. Седьмой – посол Итранды.

– Странный выбор, – заметила я. – Иностранец запросто мог нарушить планы всех остальных. Там, где шестеро согласятся действовать в интересах Эльмирры, седьмой откажется, потому что его государству нужно совсем иное. Впрочем, в этом есть логика, – возразила я самой себе. – Если бы зеркалом захотели воспользоваться в военных целях, чтобы отхватить, к примеру, кусок Итранды, именно посол имел возможность сорвать эти планы.

– В этом заключалась одна из причин, – кивнул Эдбальд. – Но их было много. Во-первых, среди создателей зеркала был итрандиец, и тогдашний правитель Эльмирры решил отблагодарить страну, косвенно поспособствовавшую появлению артефакта. Были и другие политические мотивы, в которые я не стану сейчас вдаваться. Это дела давно минувших дней, утратившие свою актуальность много столетий назад. И наконец, Итранда – отдельное государство, но наш ближайший сосед. Любое стихийное бедствие, обрушивающееся на нас, может задеть и их – и наоборот. Маги рассудили, что, задействовав Итранду, мы обеспечим себе помощь там, где речь пойдет о катастрофах и природных аномалиях, но исключим использование зеркала в военных целях.

– Хорошо, в этом разобрались, – кивнула я. Поразмыслить над объяснениями можно будет и позже. – Но вот другой вопрос. Как я понимаю, не все обладатели ключей были магами. Это верно?

– Верно, – подтвердил Эдбальд. – Как я уже сказал, каждый ключ был сделан особым образом и привязан к способностям или рангу своего обладателя. Так, например, первый ключ может унаследовать лишь член королевской династии. Ключ архиепископа получает следующий архиепископ и так далее. Только два ключа привязаны к дару зеркальной магии. Было важно, чтобы среди семерки всегда находились люди, способные не только добраться до зеркала, но и воспользоваться его могуществом.

– Один из этих двоих – придворный маг, – предположила я. – Их всегда бывает несколько, и хоть кто-то да обладает нужным даром. Но что со вторым? – продолжила я, прочитав в выражении лица короля подтверждение своим словам. – Полагаю, это ректор института. Но проблема в том, что не всегда ректором становится специалист по зеркалам. Должность может получить, к примеру, стихийник, а это направление не имеет ни малейшего отношения к магии отражений. И как быть тогда?

– Именно поэтому ключ не привязан к должности ректора, – улыбнулся правильному вопросу король. – Его может получить любой зеркальный маг, работающий в институте. Тот, кого обладатель ключа сочтет достойным преемником.

– Хорошо. – Я плотно сжала губы, постучала пальцами по подлокотникам кресла, собираясь с мыслями. Затем подалась вперед, испытующе глядя в глаза Эдбальду. – И кто же из хранителей ключей был недавно убит?

Глава 2

Договор на крупные неприятности

Оба рыжеволосых схватились за рукояти палашей, а безбородый даже наполовину вытянул клинок из ножен.

– Откуда ты знаешь об убийствах? – проговорил он, прищурившись так, будто видел меня насквозь.

Оставалось только посмеяться его мнимой прозорливости.

– Впервые о них слышу, – обворожительно улыбнулась я, вновь устраиваясь в кресле поудобнее. – Вернее, даже и в первый раз пока не услышала. Но догадаться несложно. Не для того же его величество пришел ко мне, чтобы поведать древнюю легенду о могущественном артефакте.

Эдбальд одобрительно кивнул, но стражи уже и сами поняли, что перегнули палку с бдительностью. Сталь вернулась в ножны.

– Очевидно, что Первозданное зеркало связано с событиями последних дней, и эти события более чем тревожащие, – продолжала я. – Если бы артефактом воспользовались по всеобщему согласию, вряд ли потребовалось бы мое вмешательство. К тому же такой мощный магический всплеск я бы почувствовала, а я готова поклясться, что ничего подобного не происходило. Что же тогда? Вероятнее всего, зеркалом пока не воспользовались, но собираются. По меньшей мере без согласия королевской семьи. Но если бы речь шла о бунте, скажем, пяти или шести хранителей, вряд ли вы бы пришли ко мне. Я вам нужна не для того, чтобы разобраться с бунтовщиками. Нет, скорее всего, за ключами ведется охота. Прикарманить артефакт такой силы нельзя до тех пор, пока жив его хранитель. Отсюда и мой вопрос: сколько мы имеем трупов?

– Три, – с тяжелым вздохом сообщил Эдбальд. – Сначала первый министр. Он отдыхал в загородном поместье, а там охрана не такая надежная, как во дворце. Все было обставлено как ограбление. Забрали много ценных вещей, а среди них и ключ. Убийцу, конечно же, искали, но с артефактом этот случай никто не связал.

– Несмотря на то, что это была самая значимая пропажа?

– Первозданным зеркалом не пользовались много сотен лет, – поморщился король. Ему было неприятно признавать собственный промах, пусть даже своевременная догадка вряд ли что-нибудь изменила. Убийцу первого министра в любом случае искали отнюдь не спустя рукава, а найти не смогли. – Сменилось много поколений, и ключи давно уже воспринимали скорее как дань традиции, нежели как реальную ценность.

– Но вор наверняка воспользовался зеркалом, чтобы пробраться в особняк? – предположила я.

Эдбальд снова поморщился:

– Да, но поначалу этого никто не понял. Гаденыш оказался достаточно хитер, чтобы уйти обычным путем. Разбил окно, хотя достаточно было просто его распахнуть, спрыгнул на клумбу, оставил на земле много следов, перемахнул

через ограду. Установить, как он умудрился пробраться в поместье, никому не удалось, но какая разница? Зато побег был, можно сказать, налицо.

– Умно, – признала я. – Внутрь он, конечно, проник через зеркало, убил хозяина ключа, забрал артефакт. Для виду прихватил несколько дорогих вещей и с той же целью разбил стекло, чтобы отвлечь внимание от по-настоящему важного. И сбежал обычным путем, чтобы никто не заподозрил зеркального перемещения.

– Рисковал, конечно, – проворчал король. – Его вполне могли схватить на обратном пути, и что бы он делал тогда?

– Думаю, он все равно бы ушел, – возразила я. – Наверняка у него имелось с собой маленькое зеркальце – для подстраховки. Если бы поимка стала неотвратимой, он бы воспользовался им, чтобы переместиться в мир отражений. Конспирация пошла бы насмарку, но он все же остался бы свободен и при ключе.

– А это возможно? – нахмурился Эдбальд. – Переместиться при помощи маленького зеркала?

Я улыбнулась. Мстительно, хотя, быть может, король этого и не понял.

– Для достаточно сильного мага – возможно. А слабый изначально не стал бы охотиться за ключами. Что было дальше?

– Следующей жертвой стал посол, – правильно истолковал мой вопрос монарх. – Правда, он исчез, так что мы не можем точно знать, жив он или убит. Нам удалось восстановить примерно такую картину. Посол получил анонимное письмо, где ему назначали встречу. Якобы для того, чтобы передать компрометирующую информацию. На кого, он коллегам не сказал, но уж наверняка на кого-то из наших эльмиррских дворян или политиков. Иметь дело с анонимами опасно по определению, но иностранец, как видно, решил, что игра стоит свеч, за что и поплатился. Встреча была назначена в людном месте, на городской площади, но там незнакомец предложил ему сесть в карету. Тот согласился: итрандийский наблюдатель уверяет, что посол сел в экипаж по собственной воле. Незнакомец держал в руке толстый конверт, предположительно с компроматом, и, похоже, хранитель ключа купился на эту приманку. Потом карета тронулась, и больше посла никто не видел.

– Полагаю, это привело к дипломатическому скандалу? – без особого сочувствия поинтересовалась я.

– О да! Гарольд Пятый Итрандийский рвет и мечет. – Густые брови короля сошлись на переносице, а на лбу проявились многочисленные морщины. – Мы были сосредоточены на улаживании международного конфликта и снова упустили из виду пропажу ключа.

– Но следующее событие все расставило по своим местам? Что это было? Снова похищение или убийство?

– Убийство, – тяжело, будто с усилием выдавливая из гортани каждый звук, проговорил Эдбальд. – На сей раз военачальник, Лескорий Трент, победитель многочисленных сражений…

Мне подумалось, что король впервые назвал жертву по имени. Должно быть, по-настоящему уважал этого Трента, а может, их связывали и более крепкие дружеские отношения.

– Он разменял седьмой десяток, и сердце в последние годы пошаливало. Многое довелось повидать на своем веку. Так что приступ с летальным исходом не вызвал бы особых подозрений. Но я случился неподалеку. Зашел проститься и заметил, что на шее нет ключа. Лескорий всегда носил его на кожаном шнурке. Еще мне сказали, что тело нашли совсем рядом с зеркалом. Убийца ведь мог напугать его через зеркало?

– Конечно. При должном умении несложно явить взгляду, к примеру, какое-нибудь чудовище. Или – того хуже – лицо давно умершего человека, которого Трент хорошо знал. Или, к примеру, в смерти которого был повинен. Собственно, это самый верный способ довести бывалого воина до инфаркта. Нечто потустороннее, а в идеале – одновременно трогающее за душу. Он, без сомнения, умен, этот ваш убийца.

– Он не мой, – проворчал Эдбальд. – Но умен, тут нет никаких сомнений. К каждому нашел свой подход. И в зеркальной науке разбирается как бог.

– И долго скрывал свою подлинную цель, – подхватила я. – Только на третий раз прокололся: не замаскировал как следует исчезновение ключа. Может, слишком

спешил. А скорее всего просто понял: после смерти (ну, или исчезновения) троих хранителей кто-нибудь непременно сложит два и два. А стало быть, настало время играть в открытую.

– И поэтому мне нужна ты. – Эдбальд подался вперед и заговорил жестко: – Троих убрали, осталось четверо. Они, конечно, под серьезной охраной либо сами сильны как маги, но те, покойные, тоже были не лыком шиты. И я никому не могу доверять. Преступник вполне может оказаться из моего близкого окружения. Уже поползли слухи том, что некто ведет охоту за ключами, и это плохо само по себе. Посвящать придворных магов в дополнительные подробности я не рискну. А мне необходим маг-зеркальщик. – Он крепко сжал подлокотники. – Сильный зеркальщик. Тот, кто окажется не слабее и не глупее преступника. Тот, кто знает реалии нашего государства и одновременно находится от них в стороне. Мне нужна ты.

Это уже не звучало как просьба. Это было требование. Но я решила не злиться, списать сей факт на эмоциональность короля, каковую вполне можно было понять. Дело касалось его семьи (ведь именно им принадлежал один из ключей), его страны, и не исключено, что и большего.

– Мой спутник упомянул, что мир под угрозой уничтожения, – продолжил король более спокойно. – Теперь ты знаешь то, что известно нам. Скажи: были ли его слова преувеличением?

Тяжелый взгляд впился в меня так, словно от моего ответа что-то зависело.

– Ну… Уничтожения в прямом смысле слова не будет, – внесла уточнение я. – Пока есть отражение, есть и предметы, которые его отбрасывают. Но существование существованию рознь… Четвертый уровень открывает перед сильным магом почти неограниченные возможности. Артефакт – это лишь инструмент, он не обладает собственной волей. Там, где можно остановить извержение вулкана, вполне реально его спровоцировать. Заселить землю чудищами. Похоронить континенты глубоко под водой. Так что если не цепляться к словам… Да, пожалуй, ваш спутник прав. – Я мимолетно мазнула взглядом по безбородому. – Мир, каким мы его знаем, вполне может быть уничтожен. Другой вопрос – зачем это нужно преступнику, да и нужно ли вообще… – Я распрямила спину. – Хорошо. Я возьмусь за эту задачу.

Рыжеволосые переглянулись в недоумении: слишком неожиданным оказалось для них мое решение. Король щурился, силясь что-то прочитать по моему лицу. Напрасно. Я сказала ровно то, что собиралась, не подразумевая никакого особого подтекста.

– Что заставило тебя изменить решение? – спросил он наконец.

Я равнодушно пожала плечами:

– Раньше мне не было известно, в чем суть вопроса, теперь я получила больше информации. Это дело кажется… интересным.

– Интересным? – переспросил безбородый.

Тон его был буквально пропитан презрением.

Я почувствовала, что начинаю злиться.

– А что, если я красиво воскликну: «Караул! Мир под угрозой уничтожения! Я обязана его спасти!» – кому-нибудь станет легче? Охотника за ключами быстрее поймают? Или он и вовсе сам прибежит сюда с повинной и бросится на колени, не в силах устоять перед эдаким апломбом? – окрысилась я, уже почти готовая пойти на попятный и отказаться от участия в расследовании.

Безбородого, кажется, слегка проняло от такого неожиданного напора, король же и вовсе почувствовал, что все его старания могут пойти прахом, а потому поспешил сгладить впечатление:

– Апломб нам без надобности. Что ты хочешь за свои услуги?

– Хм, а что вы там предлагали? – Я насмешливо покосилась на стража, но тот на сей раз не спешил обвинять меня в корысти, и оттого дразнить его стало неинтересно. Так что продолжила я серьезно: – Отсюда работать неудобно, так что понадобится дом в столице. По возможности – в пешей доступности от дворца, института и резиденции архиепископа. Найдется такой?

– Разумеется, – кивнул Эдбальд. – Под эти условия подпадает твой старый дом. Хочешь получить его назад?

– Нет, – грубо отрезала я.

Грубее, чем следовало бы… а впрочем, в самый раз. Конфискованный дом с воспоминаниями о дотюремной жизни мне не нужен. Довольно самого факта возвращения в столицу.

– Значит, другой, – мгновенно согласился король.

– Другой, – хмуро подтвердила я. – И можете забирать его, как только дело будет закончено. Слуги на это время – не больше двух человек, кто-нибудь, кто бы готовил и убирал. Никаких камеристок. И лучше пусть будут приходящими. Чтобы лишний раз не мозолили мне глаза.

Не люблю людей. В свое время чуть не потеряла рассудок от одиночества. С тех пор и не люблю. Забавно, не правда ли? Человеческий мозг – вообще забавная штука.

– Далее. Пропуск в королевский дворец, это будет необходимо для расследования. Деньги… – Я пожала плечами. – Столько, сколько потребуется на расходы. Понятия не имею, о каких суммах идет речь. Вы лучше знаете, как в последние годы обстояло дело с инфляцией.

– Я отдам распоряжение казначею, – снова кивнул король.

– И амнистия, – припечатала я напоследок.

– Само собой. Что-нибудь еще?

– В принципе нет. – Я устроилась поудобнее и вытянула вперед длинные ноги. – Но меня немного беспокоят гарантии.

– Что ты имеешь в виду?

– Гарантии моей безопасности, – терпеливо пояснила я.

– Я не могу гарантировать тебе защиту от преступника, – так же спокойно ответил Эдбальд. – Если бы полагался на меры предосторожности, не стал бы обращаться к тебе. Этот человек способен на многое. А если узнает, что ты его разыскиваешь, вполне может попробовать тебя устранить.

– Не от преступника, – поморщилась я и криво усмехнулась. – Меня интересует защита от вас, ваше величество.

– Что ты имеешь в виду?

Король нахмурился, его сопровождающие – тоже.

– Хочу быть уверена, что вы не схватите меня тепленькой, едва я переберусь в столицу, – охотно объяснила я. – Или чуть позже, к примеру, когда решите, что лучше избавиться не только от нашего Охотника, но и ото всех зеркальных магов разом. Да мало ли что еще…

– А мне казалось, что вы прямо-таки неуязвимы, – не удержался от иронии безбородый. – И навредить вам никто не способен.

– Я этого не говорила, юноша. – Страж был не моложе меня, и не слишком подходящее обращение я выбрала исключительно с целью его задеть. – Вам не удастся надолго меня пленить, это верно. Но ведь и за короткий срок можно обеспечить узнику массу неприятных впечатлений, не правда ли? Я совершенно к этим впечатлениям не стремлюсь: пресытилась, знаете ли, за время предыдущей отсидки. И потом, я, кажется, ясно дала понять, что меня вполне реально убить. А я не горю желанием умирать, и мне совершенно не стыдно в этом признаться.

– Я тебя понял, – оборвал нашу милую беседу король. – Ты хочешь гарантий безопасности во время своего пребывания в столице. Каких? – Он задумался, подперев пальцами подбородок. – Что ты скажешь о моей дочери?

– О ком? – недоуменно переспросила я.

– О моей дочери, – бесстрастно повторил Эдбальд. – Я поселю ее в твоем доме. Заложница королевской крови будет для тебя достаточной гарантией?

Надо отметить: чувство удивления испытала не я одна. Стражи его величества тоже были, мягко говоря, шокированы таким предложением. Кажется, и отговаривать короля они не стали не из страха, не из чувства почтения, а исключительно от потрясения.

– Какие высокие семейные отношения. – У меня, в отличие от охранников, слова нашлись довольно быстро. – Вы так горячо любите свою дочь?

Эдбальд недовольно поморщился.

– Не люблю драм, – процедил он. – Ты хотела гарантий? Я тебе их даю. А разговоры про любовь изволь вести с кем-нибудь помоложе, буде у тебя возникнет такое желание. – У меня есть сын, так что судьба короны от дочери напрямую не зависит. Что же касается нечистоплотности средств… – Он безразлично пожал плечами. – Это стандартная практика в нашем кругу. Сильные мира сего нередко отправляют друг к другу своих детей, дабы доказать, что не замышляют дурного.

К счастью, я не из вашего круга, король Эдбальд, милостью богов правитель Эльмирры. Впрочем, я вообще не из чьего-либо круга.

– Ваше величество, сколько лет нынче принцессе? Двенадцать? – вкрадчиво осведомилась я.

– Четырнадцать, – не вполне понимая, к чему я клоню, сообщил король.

– Одно и то же, – отмахнулась я. – Я ведь дала понять, что хочу у себя дома тишины и покоя. А вы пытаетесь подкинуть мне подростка?

– Моя дочь – девушка спокойная и благоразумная.

Мне только кажется или он пытается настаивать?

– Ваше величество, есть три вещи, в которые я не верю, – отчеканила я. – Это вселенская справедливость, плоская земля на трех китах и благоразумные подростки. Поэтому давайте оставим эту идею. А в качестве гарантии достаточно будет клятвы на крови.

Эдбальд, кажется, хотел еще немного поспорить, но передумал. Какое-то время ушло на формулирование клятвы, и в итоге мы сошлись на следующем:

Я, Эдбальд Четвертый, милостью богов король Эльмирры, клянусь собственной кровью, что не причиню умышленного вреда Йоланде Блэр ни лично, ни через моих подданных и иных посредников, если только она не совершит преступления, сурово караемого законом, после того, как я принесу эту клятву. И даже в таковом случае обязуюсь тщательно взвесить все за и против и, если сие будет возможно, смягчить приговор.

Мы оба отлично понимали, что клятву можно обойти, ибо в любой формулировке непременно найдется лазейка, главное – творчески подойти к прочтению. Но Эдбальд ничего не терял, я же в первую очередь полагалась не на чужие обещания, пусть даже подкрепленные алыми каплями, а на собственные силы.

– Ну что ж, дело сделано, – подытожил король, когда кровь оросила треугольный осколок стекла, форма которого символизировала стороны, причастные к принесению клятвы: двух участников договора и божественное свидетельство. Обмотал ладонь чистой тряпицей, почтительно поднесенной одним из стражей. – Теперь мне пора возвращаться: дорога предстоит неблизкая. Тебе, полагаю, потребуется время на сборы. Как ты собираешься добираться до Эльмирры: через зеркало или обычным путем?

– Обычным. Могуществом зеркал не стоит злоупотреблять.

– Хорошо. Тебя будет сопровождать вот этот молодой человек.

Я шокированно воззрилась на безбородого. Эдбальд же как ни в чем не бывало продолжал:

– Он поможет решить любые проблемы, буде таковые возникнут в столице. И станет опекать тебя в дальнейшем. Разумеется, только в тех вопросах, которые будут иметь отношение к следствию. Будет присутствовать на встречах, допросах, операциях. Не постоянно, но в некоторых случаях.

Я согнула ноги в коленях и медленно распрямила спину. По венам подобием горячей лавы растекался гнев.

– Мы так не договаривались, ваше величество.

– Мы никак не договаривались на этот счет, – напомнил король.

Увы, это было мое упущение. Монарх все рассчитал правильно. Стану ли я отказываться от взятых на себя обязательств сейчас, когда договоренность уже достигнута, условия оглашены и даже взята клятва на крови с правителя государства? И все это из-за такой, казалось бы, мелочи? Я стиснула зубы, сетуя на собственную беспечность, но и отдавая должное королевской хитрости.

– Подсовываете мне шпиона? – нехорошо прищурилась я.

– А на это ты можешь посмотреть по-разному, – возразил Эдбальд, хотя прямо отказываться не стал. – Взгляни, к примеру, на меня. Я никогда не появляюсь на людях один. И даже в собственном дворце меня практически всегда сопровождает охрана. Как мне следует воспринимать этих людей? Как досадную помеху, не позволяющую мне почувствовать себя свободным человеком? Неудобные кандалы, дающие возможность делать чинные и осторожные шаги, но никак не бежать босиком по высокой траве? Или видеть в них тех, кто отдаст за меня жизнь и благодаря кому у меня появляются реальные шансы встретить рассвет завтра, послезавтра и еще много дней подряд? Оба подхода будут справедливы, и выбор за мной. Так же и в твоем случае. К тебе приставили шпиона, который будет путаться под ногами, препятствовать столь любимому тобой одиночеству и время от времени предоставлять мне отчеты (замечу: только по существу нашего дела)? Или помощника и единомышленника, который не силен в магии, но сможет внести вклад в расследование своим умом, внимательностью, воинскими навыками и просто свежим взглядом со стороны? Решать тебе, и только тебе.

– Но итог один, – подчеркнула я, не позволяя навязать себе иллюзию свободного выбора.

– В этом отношении итог один, – согласился монарх. – У тебя будет сопровождающий, которого я назначил. Не постоянно, не во всех случаях. Но он будет поблизости и станет наблюдать за ходом расследования, на этом я

настаиваю.

– Что ж, в таком случае мы, кажется, уже действительно все обсудили.

Я поднялась на ноги. Это было не слишком вежливо, но то направление, которое принял разговор, не вдохновляло меня на политесы. Его величество также встал, коротко распрощался и, выразив надежду на скорую встречу в столице, покинул мой не самый гостеприимный на свете дом. Вместе с бородатым стражем. Безбородый, следуя высочайшему приказу, остался со мной.

– Дотья! Я уезжаю! – кликнула я, выйдя на лестницу. – Будь добра, собери самое необходимое.

Убедившись в том, что служанка все услышала и не собирается задавать вопросов (с Дотьей вообще было на редкость легко иметь дело), я снова вернулась в зеркальный зал.

– Ну, и что теперь, господин шпион? – полюбопытствовала я, сложив руки на груди и обходя вышеозначенного господина широким полукругом. – Как вы намерены поступить первым делом?

– Не вполне понимаю, что вы имеете в виду, – бесстрастно откликнулся тот.

– Да мало ли. – Я остановилась, опираясь руками о спинку стула. – К примеру, как обычно действуют тюремщики, впервые оказавшись один на один с узницами женского пола?

– Запирают их в камерах на замок, я полагаю, – с нажимом ответил рыжеволосый.

Я подчеркнуто громко рассмеялась:

– Сразу видно, что вам ни разу не доводилось сидеть в тюрьме. Впрочем, это, знаете ли, поправимо. Как бы ни был высок ваш статус, сегодня вы неприкосновенны, а завтра – наоборот, причем во всех возможных смыслах этого слова. Но мы увлеклись разговором, и он увел нас в сторону. Так что же? Вы даже не попытаетесь показать своей жертве, кто здесь хозяин?

Настал его черед сложить руки на груди и посмотреть на меня с крайне скептическим выражением лица.

– Хотите знать мое мнение по этому поводу? Извольте. Что-то подсказывает мне: жертва – это последняя роль, которую вы готовы на себя примерить. Следовательно, весь этот увлекательный разговор – чистой воды провокация. Я пытаюсь на вас напасть, а вы применяете свои магические штучки, да так, что после этого я в лучшем случае остаюсь валяться здесь без сознания. И вы отправляетесь в Эльмирру без обузы в моем лице. А главное, обвинить вас не в чем: вы действовали исключительно из соображений самообороны. Вынужден вас разочаровать: я не собираюсь обеспечивать вам такую легкую жизнь.

– Не разочаровали. Хоть это и досадно, – проговорила я. – Во всяком случае, вы действительно умеете использовать свой мозг по назначению. В придачу вам не свойственно терять голову от вседозволенности. Это хорошие качества. Что ж, давайте начнем сначала. Присаживайтесь, в ногах, говорят, правды нет. – Он послушался: наверняка устал стоять все это время. Сама я не последовала его примеру: нужно было думать, а мне лучше думается в вертикальном положении. – Стало быть, его величество освободил меня от одного своего ребенка, но взамен навязал другого. Отчего это так ему необходимо?

Мои слова, безусловно, произвели впечатление. Мнимый страж даже не попытался возразить, вместо этого спросил:

– Как вы узнали?

Я усмехнулась.

– Иллюзия, конечно, неплохая. Даже в зеркалах вон отражается. – Я кивнула на многократно умноженное изображение рыжеволосого мужчины. – Делал кто-то из придворных магов?

– Верно. Но ему не сказали, для чего это нужно. Никто не должен был знать, куда мы направляемся.

– Ясное дело. И обычного человека вы бы легко обманули. Но я маг-зеркальщик третьей ступени. И вижу не только эти отражения, – я вновь небрежно кивнула на стекло, – но и более глубокие. На втором уровне что-то понять сложно, там

слишком сильные искривления. А вот на третьем для знающего человека все становится на свои места. Так что, в отличие от вас, я, заглянув в зеркало, вижу вот это.

Я сосредоточилась, едва ощутимо пошевелила губами и отклонила голову назад, мысленно вытягивая из глубин потаенное изображение. Теперь с той стороны стекла на нас изумленно взирал мужчина, во многом отличавшийся от моего гостя. Фигура была приблизительно та же: высокий рост, широкие, но не чрезмерно, плечи. Видимо, тут маг поленился или же просто не счел нужным вносить изменения. Зато лицо и масть того, отраженного, человека сильно отличались от оригинала. Черные волосы без всякого намека на рыжину сами по себе кардинально меняли общее впечатление, но многие черты тоже оказались подправлены. Подбородок у принца был у?же, чем у мнимого стража, скулы, напротив, ощутимо шире, губы самую капельку потоньше. Форма носа совершенно иная. В совокупности это сочетание черт превращало простоватого охранника в чистокровного аристократа.

– Орвин дель Фронси, я полагаю? – изогнула бровь я. – Мы с вами лично не встречались: в ту пору, когда я бывала при дворе, вы, кажется, обучались за границей или что-то в этом роде?

– Проходил службу в Итранде, – поправил принц, все еще зачарованно разглядывая свое отражение. – У них лучшая гвардия на континенте. Это был полезный опыт.

В данный момент Итранда ассоциировалась у меня в первую очередь с послом, то ли убитым, то ли похищенным из-за унаследованного им ключа, но менять по такому поводу тему разговора я не стала.

– Тем не менее мне доводилось видеть ваши портреты. Художники, конечно, немного приврали, им это в принципе свойственно, и все-таки узнать вас не составило труда. К тому же вашего старшего брата, наследного принца Анселя, я в свое время встречала неоднократно. Наложенная на него иллюзия меня, как вы понимаете, тоже не обманула. Поэтому стоило вам впервые отразиться в зеркале, как я поняла: меня навестил король Эльмирры с двумя своими сыновьями. Рискованная поездка, но в принципе я понимаю, почему вы так поступили. Дело настолько секретное, что его величество предпочел не сообщать о нем никому за пределами семейного круга?

– О том, что кто-то охотится за ключами, некоторые уже знают, пусть и немногие. – Орвин оторвался наконец от зеркал, но теперь отчего-то устремил взгляд на собственные ладони, будто пытался прочитать будущее при помощи хиромантии. – Связь между убийствами не оглашали, но тот, кто достаточно осведомлен, способен сделать самостоятельные выводы. Три ключа из семи – это слишком много для случайного совпадения. Придворные маги, безусловно, в курсе. Но о решении обратиться за помощью к вам их не оповещали.

– Еще бы! – фыркнула я. – Воображаю, какую истерику они бы закатили. Впрочем, это мы еще сможем понаблюдать.

– Я тоже был категорически против вашего участия.

– Это меня интересует значительно меньше, – скривилась я. И громко спросила, не давая Орвину возможности ответить на этот выпад: – Ну что, Хаш, едем в столицу?

– Блаж-ж-жь, – сварливо прошелестели из фляги.

– Знаю, – согласилась я. – Но захотелось размять кости.

– Пож-ж-жалееш-ш-шь.

– Возможно. – Я вновь не стала спорить. – Моя блажь, мои сожаления. Имею право.

– С-с-сама вс-с-се реш-ш-шила. З-з-зачем тогда с-с-спраш-ш-шиваеш-ш-шь?

– Какой ты сварливый. Может, мне просто поговорить хочется по душам?

К этому моменту я успела встать со стула, приблизиться к центральному зеркалу (правда, никто, кроме нас с Хашем, не смог бы догадаться, какое из шести – центральное) и закатать рукава. Не все сборы можно было поручить Дотье.

– Вот с мальчиш-ш-шкой теперь раз-з-зговаривай, – проворчал змий.

Я фыркнула, а принц нехорошо прищурился.

– Вот вытряхну тебя из фляги – и поедешь в Эльмирру в какой-нибудь… банке с рассолом! – пригрозил он.

В ответ донеслось приглушенное бульканье: видимо, такое предложение Хаша весьма позабавило.

– До чего вредный у вашего зверька характер, – нарочито громко заявил Орвин.

– Он не зверек, – отстраненно возразила я, уже сосредоточенная на другом. – Пусть внешнее сходство вас не обманывает. И потом, вам в любом случае предстоит общение с обладателями вредного характера. Скажите спасибо своему отцу.

И я окончательно перестала обращать на принца внимание. Повинуясь движениям моих рук, зеркало стало распадаться на части, словно превратившись в причудливую мозаику. Осколки разных форм и размеров сами собой опускались – легко и плавно, как опадающие листья, – и укладывались в черную шкатулку, которую я заранее приготовила и распахнула. Размеры ее, разумеется, были слишком малы, чтобы вместить столько стекла, однако же к концу работы крышка без труда закрылась, а напротив меня осталась лишь пустая рама, висящая на каменной стене с неровной поверхностью.

Орвин завороженно наблюдал за процессом: это я успела отметить, случайно уловив его отражение в одном из осколков.

– Ну что ж, все готово, – заключила я, когда заглянувшая в комнату Дотья протянула мне дорожные сумки.

Одна была заполнена не больше чем наполовину, и для шкатулки места хватило с лихвой. Я подхватила флягу и привычно закрепила ее на поясе.

– В моем бюро в третьем ящике справа возьмешь деньги, – распорядилась я. – Там хватит на полгода вперед. К тому времени я двадцать раз успею вернуться. А если не вернусь… – Я хмыкнула и безразлично пожала плечами. – Тогда дом твой, и вообще можешь делать что захочешь.

Служанка кивнула с таким выражением лица, будто я не сказала ничего неожиданного, да и вообще раздаю распоряжения такого рода каждое утро и вечер. Я одобрительно улыбнулась. Как-никак сама подбирала себе именно такого человека.

– Ну что, ваше высочество, готовы? – полюбопытствовала я. – Уж простите, ни накормить, ни в баньке попарить не предлагаю. Могу, правда, предложить портвейна. Не желаете?

По тому, как брезгливо поморщился принц, я сделала вывод, что он никогда больше не пригубит этот напиток.

Глава 3

Дорожная пыль

Дом, служивший мне убежищем последние полтора года, постепенно удалялся, грозясь вот-вот совсем исчезнуть из виду. Его и теперь было сложно как следует рассмотреть из-за кружившей в воздухе пыли, словно у нас за спинами клубился колдовской туман. Подумалось, что лучше лишний раз не оборачиваться, чтобы не застыть каменным изваянием наподобие женщины из древней легенды. Впрочем, суть истории, вероятно, сводилась к тому, что невозможно двигаться к будущему, не отпустив свое прошлое. Ко мне все это было неприменимо. Старый обособленный дом, не имевший соседей, одиночка среди пустоты, мало походил на прошлое. Скорее на безвременье, то самое, в котором можно пребывать, превратившись в камень. А будущее – тут совсем смешно, будущего у меня в столице не было. Просто в безвременье порой становится скучно, и мы, древние статуи, иногда выходим наружу, чтобы слегка размять ноги.

Утомившись от порожденных собственным умом метафор, я пришпорила кобылу, чтобы поравняться с конем принца.

– Расскажите мне еще немного о ключах, – предложила я. – Уж если впереди долгая дорога, к чему терять время?

Сейчас поблизости не было зеркал, не считая, конечно, тех, которые я везла с собой. Поэтому я видела Орвина исключительно в его иллюзорном обличье, а именно рыжеволосым стражником с простоватыми, даже грубоватыми чертами лица, ничего общего не имеющего с высшим кругом аристократии. В эдаких походных условиях его маскировка вполне могла обмануть даже мага-зеркальщика.

Предмет моих размышлений снисходительно усмехнулся.

– Отец так и думал, что вы захотите задать мне вопросы во время нашего возвращения, – объяснил свое настроение он.

– Ваш отец невероятно прозорлив, – с долей сарказма отозвалась я. – И что же, он уполномочил вас молчать как рыба?

– Совсем напротив. Он поручил мне рассказать вам все, что вы захотите услышать… Если это вообще подлежит разглашению, – все-таки несколько смешался он под конец.

– Что ж, хорошо. – Теперь я немного придержала кобылу, чтобы двигаться со спутником вровень. Ширина дороги это позволяла. – Меня интересует судьба четырех оставшихся ключей. Вам известно, у кого они сейчас находятся?

Орвин прикусил нижнюю губу и посмотрел на меня с неодобрением.

– Задать простые вопросы вы, конечно же, не могли? – укоризненно спросил он.

– Простых у меня не бывает, – просияла я в ответ. – Так что же не так с моим интересом? Вы не знаете ответов или не вправе делиться информацией?

– Отчасти первое, отчасти второе, – со вздохом признался принц. – Видите ли, когда подобные артефакты передаются по наследству, афишировать подробности не принято. Но и отслеживать их передвижения мы все-таки стараемся. К тому же в ряде случаев выбор наследника очевиден для всех.

– Так, например, обстоит дело с архиепископом, верно? – предположила я. – Один-единственный человек на одной-единственной должности может обладать

этим ключом. Когда он умирает, ключ передается его преемнику.

– Совершенно верно, – мягко кивнул Орвин. – Поэтому мы точно знаем, что нынешний архиепископ и есть хранитель ключа.

– Дело обстояло так же прозрачно с первым министром, военачальником и послом Итранды, – продолжала я. – Быть может, Охотник, – мысленно я уже называла преступника только так, – потому и начал с этих троих? Он точно знал, что ключи у них, и стремился побыстрее собрать как можно больше артефактов. А уж затем сосредоточиться на тех, вычислить которые сложнее. Но если его логика действительно такова, то следующая жертва – именно архиепископ. Он последний из тех хранителей, которых легко определить. Дальше начинаются проблемы, не так ли?

– Некоторым образом, – уклончиво высказался Орвин.

– Остаются три ключа: институтский, королевский и тот, что передается придворным магам, – принялась рассуждать я. – Придворных магов несколько, зеркальщиков среди них двое. Кто же из них?

Я выразительно поглядела на принца.

Он покачал головой.

– Мне это неизвестно. Маги предпочитают не распространяться о подобных вещах. Отец, может быть, и знает. Но если нет, не думаю, что он станет требовать ответа без крайней необходимости. В конце концов, сильные маги способны сами постоять за себя и имеют право на свои секреты, как и мы – на свои.

– Хорошо. Пока довольно и этого. На магический ключ у нас два кандидата. Далее идет королевский. Как я поняла, он передается из поколения в поколение, необязательно будущему королю, но как минимум его родственнику. Насколько дальним может быть этот родственник?

– Только очень близким, – внес уточнение Орвин.

– Значит, я не буду далека от истины, если предположу, что кандидатов на обладание королевским ключом у нас четверо? Его величество, старший принц Ансель, вы, – тут я очень пристально посмотрела спутнику прямо в глаза, – и юная принцесса. Ее величества, увы, нет в живых, стало быть, либо сам король, либо кто-то из его детей?

Я продолжала смотреть испытующе, и Орвин наконец ответил, хотя и без особого восторга от необходимости делиться такой информацией:

– Ваше предположение справедливо. Ключ действительно у одного из четверых.

– И вы знаете, у кого именно?

– Знаю, но не скажу.

– Потому что он у вас? – осведомилась я невинным тоном.

Принц рассмеялся:

– Нет, потому что я не уполномочен сообщать вам или кому бы то ни было, у меня он или нет.

«Точно не у тебя», – подумала я, проанализировав его реакцию. Уж слишком он был расслаблен. Впрочем, для меня такой вывод был совершенно предсказуемым, поскольку я уже сделала мысленную ставку на другого члена королевской фамилии.

– Что ж, стало быть, вариантов четыре, – вздохнула я, изображая смирение. – Остается последнее – институт. Вам известно, кому достался седьмой ключ? Ректору?

Орвин досадливо покачал головой.

– Не знаю. Институт – заведение достаточно самостоятельное, даже в наше время. Они не отчитываются о подобных вещах.

– Значит, здесь поле деятельности самое широкое, – заключила я. – Артефакт у сильного зеркального мага, но им может оказаться любой преподаватель и, уж если совсем откровенно, даже талантливый студент. Н-да, интересное задание мне дал ваш отец. Пойди туда, не знаю куда… Радует одно: Охотник, вероятнее всего, пребывает в таком же неведении. Если так, у нас есть шанс его опередить…

Вытянув руку, я сорвала веточку разросшегося у самой дороги куста. Тончайшие зеленые листья напоминали иголки, которые когда-то в далеком детстве мы обрывали во время гадания. Я начала тихонько бормотать себе под нос:

Семь магических ключей

В нашем мире есть.

Один хранитель был убит,

И их осталось шесть.

Шесть магических ключей

Можно насчитать.

Хранитель выехал в закат,

И их осталось пять.

Пять магических ключей —

Равновесье в мире.

Один хранитель заболел,

И их уже четыре.

– Находите это забавным? – недовольно пробурчал принц.

Я неопределенно пожала плечами, не считая нужным отвечать.

Окружавшие нас декорации сменились, ландшафт постепенно становился гористым. Пологий подъем казался сперва почти незаметным. Местность стала

каменистой, справа и слева то и дело появлялись кусты и деревца, но в основном невысокие и довольно-таки чахлые. Потом начался спуск, значительно более резкий. Настолько, что в какой-то момент нам пришлось спешиться и повести лошадей в поводу.

Вскоре мы уже продвигались по узкому ущелью. В период обильных дождей здесь протекал весьма бурный ручей, но сейчас почва под ногами была сухой и потрескавшейся. Тем не менее растительность на склонах постепенно становилась более обильной: видимо, древесные корни все-таки добирались до ушедшей под землю воды. А вскоре и мы добрались до родника: прохладная струя пробила узкую щель в скале и, радуясь свободе, стекала в образовавшийся внизу бассейн. Мы остановились, чтобы наполнить фляги и напоить лошадей. Сделать привал в таком месте казалось совершенно естественным. Видимо, точно так же рассудили и нападавшие.

Первый болт со свистом пролетел мимо и упал в песок далеко за спиной. Второй не заставил себя долго ждать и, прежде чем я успела отреагировать, пробил куртку и рубашку на уровне груди и погрузился почти по самое оперение. Грязно выругавшись, я покачнулась, но потерять равновесие не успела: Орвин, высказавшийся не более цензурно, в мгновение ока оказался рядом, подхватил меня на руки и метнулся к высокому камню, за которым мы нашли временное укрытие. Принц аккуратно уложил меня на землю, но, к его немалому удивлению, отдых не входил в мои планы.

– Сколько их? – спросила я, сперва приподнявшись на локте, а затем вставая на колени, чтобы очень осторожно выглянуть на тропинку.

Даже не постонала для приличия, хотя древко по-прежнему живописно торчало из груди.

– Я не видел, – отозвался Орвин, подозрительно нервно косясь на это украшение жизни. – Стреляют, скорее всего, двое. Может, их и больше, но ненамного. Серьезный отряд там не спрячется.

Я кивнула, уже успев понять, что нападавшие притаились примерно за таким же камнем, за каким сидели и мы сами. Осмотрелась и разочарованно прикусила губу: до лошади было не добраться, а оба моих зеркала лежали в седельной сумке. Принцу повезло больше: в его арсенале, как оказалось, имелось кое-что

кроме обычного оружия.

– Сейчас покажетесь, – прошептал он, извлекая из-за пазухи крошечный арбалет и натягивая столь же миниатюрную стрелу с ярко-красным наконечником.

– Стихийники постарались?

Очередной болт ударил по нашему укрытию и отлетел в сторону. На землю посыпалась каменная крошка. Я спешно прижала локти к бокам: сидеть здесь вдвоем, совсем не высовываясь наружу, оказалось делом непростым.

– Лучший огненный маг, – с такой гордостью, будто речь шла о его собственном брате или сыне, заверил принц.

В молитвенном жесте поднес к груди средний и указательный пальцы левой руки, а спустя секунду молниеносно выскочил из-за камня, взял прицел и выстрелил по убежищу наших противников.

Он сразу же нырнул обратно в укрытие, но, в сущности, в этом не было нужды: в данный момент нападавшим стало не до нас. Кусок скалы вспыхнул, словно сухая сосна от удара молнии, попирая тем самым законы природы. Прятавшимся за ним людям ничего не оставалось, как с криками отбежать назад. Их действительно было двое. Воины, вернее всего, не солдаты действующей армии, а наемники: оружие у них было разным, да и кольчуги заметно отличались одна от другой. Далеко они не ушли: пламя быстро растаяло, забрав с собой их недавнее укрытие, и парочка здраво рассудила, что правильнее всего будет броситься в атаку. Наверняка они видели, что один из болтов достиг цели, и теперь сочли, что двое против одного имеют неплохой шанс.

– Увидимся. – Криво усмехнувшись, принц выбрался из-за камня и шагнул им навстречу.

Я неодобрительно покачала головой, мысленно отмечая блестящую брошь, удерживавшую его плащ. Ты – наследник престола, пусть и не первый на очереди. Тебе сейчас бежать надо, спасая свою драгоценную венценосную жизнь. Потом вздохнешь, разведешь руками и скажешь: так, мол, и так, дорогой отец, преступница погибла в неравной борьбе за дело короны. В крайнем случае – орден посмертный выхлопочешь. Нет, отправился геройствовать. Мальчишка.

Теперь, когда по нам не били из арбалета, добежать до лошади было вполне реально, но пока я доберусь до сумки, пока отыщу зеркало, пока размотаю берегущую его тряпицу, уйдет драгоценное время. А гибели королевского сына мне точно не простят. Поэтому я кинулась к ближайшей замене, какую можно было найти поблизости: бассейну с родниковой водой. Отражение было, конечно, неидеальным, но просматривалось вполне отчетливо, и я, не раздумывая, ступила внутрь, становясь с ним единым целым.

Разумеется, я не намокла и брызг не подняла, поскольку попала не в воду, а на первый уровень зазеркального подпространства. Уши словно заложило от всепоглощающей тишины – единственная специфика этой среды, к которой я не могла полностью привыкнуть. Осмотревшись, я обнаружила в белой, напоминающей льдину стене крохотное окошко овальной формы примерно на уровне моих глаз. Она, брошь. Совсем неплохо отражает предметы, а значит, по сути – то же зеркало, только очень маленькое. Я прикрыла глаза, сосредоточилась и принялась разводить руки в стороны, с немалым трудом разрывая незримую преграду. Окошко расширилось, превратившись в рваную дыру размером приблизительно с мою голову. Я увеличила его еще немного. Времени создавать более удобный проход не оставалось: с той стороны тряслись подогнанные друг к другу кольца чужой кольчуги, появлялись и снова исчезали из поля зрения клинки, да и вся картина то и дело покачивалась, подскакивала то вверх, то вниз в зависимости от движений обладателя броши. Я извлекла из непримечательных ножен длинный узкий стилет. Должно быть, острие вонзилось в грудь одного из противников на долю секунды раньше, чем я окончательно появилась на поле схватки из отражения. Наемник, так и не понявший, откуда получил удар, упал. Второй же был слишком поражен увиденным, отвлекся и расплатился за невнимательность ударом палаша, на сей раз пришедшим со стороны принца.

Сражение всегда заканчивается резко, некоторым образом неожиданно. Только что в висках стучал адреналин, а тело бешено танцевало под влиянием не столько хитроумных планов, сколько вбитых с младенчества рефлексов. И вдруг наступает тишина, и выясняется, что больше драться уже не с кем.

Принц вытер ладонью вспотевший лоб, затем вернулся к бассейну, умыл лицо и стал жадно пить родниковую воду. Я спокойно дождалась собственной очереди и пригубила лишь чуть-чуть: с моей стороны особой физической нагрузки не потребовалось. Лошадей не пришлось даже звать – они приблизились к нам сами.

– Что это? – спросил Орвин, отдышавшись.

Пытаясь понять, о чем он говорит, я опустила голову и увидела древко болта, все еще торчавшего из моей груди. Улыбнулась:

– Вы, принц, пронзили насквозь мое сердце!

Я постаралась вложить в эти слова максимально романтические интонации.

– Это не я, это наемник. – Орвин, как и большинство мужчин, поспешил снять с себя ответственность.

– Ну и неважно.

Я потянула за древко и вытащила на свет целехонькую стрелу. Принц внимательно осмотрел древко и наконечник. Не обнаружил ни единой капли крови и переключил внимание на мою одежду. Увы, и в куртке, и в рубашке имелось теперь по дыре с левой стороны, но крови на одежде тоже не нашлось.

– Ваше высочество, если вы не прекратите пялиться на мою грудь, получите между глаз, – по-свойски предупредила я.

– Я не на то смотрю! – возмутился Орвин, мгновенно отводя взгляд. – Но как все это может быть? Вы владеете искусством исцеления? Даже если так, я никогда не видел настолько ювелирной работы.

– И не увидите, – заверила я. – Целительство здесь ни при чем. Ладно, смотрите, уж коли так получилось.

Я стянула куртку и принялась расстегивать рубашку, сопроводив процесс раздевания незаметным пассом рукой. Легкая магия, позволяющая Орвину увидеть то, что обычно остается для окружающих незаметным.

– Что вы делаете? – полюбопытствовал он, когда я разобралась со второй пуговицей и приступила к третьей.

Я саркастически поглядела на него снизу вверх:

– Вы же спасли мне жизнь! Вот отдаться вам собираюсь в благодарность.

Надо отдать принцу должное: тут он отреагировал как взрослый. Не смутился, не спрятал глаза, не осерчал. Вместо этого иронично полюбопытствовал:

– А можно я возьму деньгами?

Я одобрительно хохотнула:

– Вот уж нет! Сказала отдаться – значит отдаться.

Четвертой пуговицы оказалось достаточно. Я максимально распахнула рубашку, чуть-чуть приоткрывая плечи. Орвин на мгновение зажмурился, но не от стыдливости. Просто небольшие зеркальные осколки, плотно подогнанные друг к другу наподобие кольчужных пластин, отлично отражали солнечный свет, направляя в разные стороны яркие блики.

– Это…

– Моя броня, – объяснила я и, сочтя, что показательного выступления достаточно, начала вновь застегивать рубаху. – Болт, конечно, пробил одежду, но меня не коснулся. Осколок зеркала увлек его в мир отражений. Именно там он все это время и находился, не считая кусочка, что торчал наружу. Он доставлял кое-какие неудобства, но не более того. Так что я могу позаботиться о себе, ваше высочество, – вновь сменила обращение я. – И в следующий раз вам стоит в первую очередь сохранить себя для престола.

– Меня – для престола? – как-то странно переспросил принц, и я прикусила губу.

Слишком давно я жила вдалеке от придворных дел и, кажется, попала впросак. Не стоило поднимать эту тему. Хотя Эдбальд везде позиционирует Орвина как своего второго сына, по факту дело обстоит несколько иначе. Эдбальд был женат дважды. Первая супруга родила ему наследника, Анселя, но вскоре умерла. Вторая жена, появившаяся несколько позднее, была вдовой и уже имела ребенка от первого брака – Орвина дель Фронси. Впоследствии у их величеств

появилась общая дочь, та самая принцесса, которую мы так жарко обсуждали сегодня с Эдбальдом. Ее статус, как и статус Анселя, был понятен. А вот положение Орвина оставляло вопросы. С одной стороны, Эдбальд официально его усыновил и, насколько это реально увидеть со стороны, обходится с ним, как с родным сыном. С другой, как ни крути, но королевская кровь в жилах пасынка не течет.

– Меня интересует вот что. – Принц вскочил в седло, и я последовала его примеру. Разговоры – это, конечно, хорошо, однако убраться поскорее из опасного места значительно лучше. К тому же сменить щекотливую тему – тоже удачная идея. – Кого из нас они поджидали? Вас или меня?

– Хороший вопрос, – задумчиво проговорила я, тронув поводья.

Мы постарались покинуть опасное место как можно быстрее, и стало не до бесед. Но течения мыслей это не остановило. С одной стороны, нападавшие не остановились после того, как подстрелили меня. Из этого можно заключить, что их целью был принц. С другой – они могли знать, что уничтожить мага не так-то просто. Или получили приказ не оставлять живых свидетелей. А Орвин сейчас слишком не похож на себя; откуда наемникам было знать, кто таков этот рыжеволосый мужчина? Значит, подстерегали именно меня? Но эта версия тоже выходила нескладной. Никто не интересовался моей личностью до сегодняшнего приезда короля. Почему же заинтересовались сейчас? Потому что знали всю подоплеку этого визита? Если так, то Охотник прекрасно осведомлен и опережает нас на несколько ходов. Впрочем, тот, кто был в курсе моей встречи с королем, наверняка знал и о том, что его величество сопровождали замаскированные принцы. А если так, его целью мог быть Орвин. Круг замкнулся, ответов по-прежнему не было. Может, мы и вовсе оказались случайной жертвой околачивавшихся поблизости разбойников?

Так или иначе, других нападений не последовало. Мы благополучно миновали ущелье, проехали еще несколько часов и добрались до приграничного города, где располагался прямой телепорт в столицу. С той стороны нас уже поджидали люди Эдбальда. Здесь, к моей немалой радости, наши пути разошлись. Его высочество отправился во дворец, меня же препроводили в только что купленный дом.

* * *

Расположение нового жилища идеально соответствовало моим требованиям: четверть часа пешего хода до королевского дворца, десять минут в другую сторону – до института и примерно столько же – до резиденции архиепископа. Впрочем, последнюю я не планировала посещать слишком часто, просто сочла, что раз уж и это здание находится в центре города, тем удобнее. Перемещаться на небольшие расстояния, конечно, можно и с помощью зеркал, но, во-первых, проход в такие стратегически важные пункты наверняка был заблокирован, а во-вторых, я сказала Эдбальду правду: не стоит использовать магию только из-за того, что ленишься слегка размять ноги. Рано или поздно такое пренебрежительное отношение к колдовским материям выйдет боком.

Дом оказался не двух-, а трехэтажным, что, признаюсь, не особенно мне понравилось. Слишком много беготни по лестницам. Впрочем, это было не трагично. На самом верху располагалась спальня и просторная ванная комната. Этажом ниже – кабинет, который я планировала в скором будущем превратить в зеркальный зал, и вторая спальня, гостевая. Я подумывала о том, чтобы именно в ней и поселиться, дабы ступеньки не отделяли мое рабочее пространство от жилого, но потом сообразила, что в этом случае пришлось бы ходить по ступенькам из спальни в ванную. Пришла к выводу, что совершенства все равно не добиться, и решила оставить все как есть. Первый уровень был отведен под прихожую, кухню с примыкавшей к ней столовой и небольшую комнатку для слуг. Последней предстояло пустовать, поскольку я твердо была намерена жить в гордом одиночестве.

Служанка, рыжеволосая девчушка с живым лицом и большими карими глазами, была помоложе, чем мне бы хотелось, но много не болтала и на упоминание о магии отреагировала спокойно, без страха или ажиотажа. Так что, как минимум на первый взгляд, она меня устраивала. На следующий день должна была прийти кухарка, в придачу планировалось, что некий Питер, живший неподалеку, станет время от времени заглядывать на случай, если для тех или иных домашних дел потребуется мужская физическая сила. Лошадь определили на ближайшую городскую конюшню. Условия содержания там были отличные, расстояние небольшое, цена, правда, зашкаливала, но это никак меня не касалось: за все платила корона.

Оглядевшись и прикинув, какие комнаты придется переоборудовать, а что и так сойдет, я отпустила служанку, удалилась в свою спальню (ту, что на третьем этаже) и завалилась на кровать. Но сон еще долго не шел. Во-первых, мешало до сих пор заглядывавшее в окно солнце: время шло к закату, а окна как раз

выходили на запад. Во-вторых, слишком тревожило возвращение в столицу. Воспоминания о прежней жизни болезненно царапали душу, отдаваясь болью в висках и покалыванием в кончиках пальцев. Прошлое было так близко, казалось – протяни руку и схвати. Но я отлично знала, что оно просыплется сквозь пальцы неуловимым песком, поэтому воздерживалась от лишних телодвижений. Антураж может быть тысячу раз похожим, но та реальность не повторится никогда, так что не стоит понапрасну биться головой о стенку. Я отлично это осознавала и тем не менее долго не могла уснуть. Ночь погасила раскрасневшееся от усталости светило, а я все лежала, слушая гул ночной столицы за окном, фоновый шум, от которого я давно успела отвыкнуть, но который вспомнился так легко. Будто и не было четырех с половиной лет тишины. Будто не заволакивала мои уши пустота безвременья.

Глава 4

Вперед в прошлое

Спала я, как ни странно, хорошо, даже проснулась позднее обычного. Умылась и оделась самостоятельно. Служанка была заведомо оповещена о том, что предлагать мне помощь в подобных вещах – прямая угроза для жизни. Ненавижу, когда вторгаются в мое личное пространство, пусть даже из лучших побуждений. Наряд был выбран стандартный для меня, но не для местных женщин. Брюки, высокие сапоги (хотя я и не собиралась сегодня ездить верхом), рубашка, короткая кожаная куртка. И всякие полезные вещи (в духе фляги с портвейном) на крепком поясе.

Можно было списать столь странные предпочтения в одежде на тюремное заключение и последующую нелюдимость, но не стоит кривить душой: я и прежде грешила подобными склонностями. Не исключено, что за них и пострадала: человека, который ведет себя не как все, очень легко заподозрить в чем-нибудь преступном. Впрочем, преувеличивать роль моего тогдашнего эпатажа тоже не стоит, подставить меня постарались бы в любом случае…

Наскоро перекусив парой свежих булочек со специями (очко в пользу служанки), я вышла из дома и неспешной походкой направилась в сторону резиденции архиепископа. Если мои рассуждения были верны, именно ему в планах

Охотника выпадала роль четвертой жертвы. Так что побеседовать с главой эльмиррской церкви представлялось нелишним.

Дом главы эльмиррской церкви, по сути – практически дворец, располагался по соседству с главным столичным храмом, купола которого посверкивали на солнце. Внутрь меня пропустили довольно быстро: заблаговременно справленных и врученных мне давеча документов было для этой цели вполне достаточно. А вот дальше начались сложности. Меня проводили в небольшую комнату ожидания, предложили напитки и предоставили самой себе. Впрочем, ненадолго. Прошло минут пять, прежде чем в комнату вошел мужчина, одетый в традиционную серебристую рясу с длинными рукавами, почти подметавшими пол. Специально проделанные прорези позволяли высвободить кисти рук, и служитель богов встал передо мной, сцепив пальцы в замок.

– Что привело тебя в этот дом, дочь моя? – спросил он, склоняя голову набок.

– Мне нужно поговорить с архиепископом.

В том, что ко мне вышел другой человек, рангом пониже, я не сомневалась ни на секунду. Об этом свидетельствовали как одежда, так и манера держать себя. Это был помощник, возможно, секретарь или кто-то вроде распорядителя, но точно не верховный священнослужитель.

– Увы, его святейшество чрезвычайно занят в эти дни.

– И все-таки я очень хотела бы увидеть его святейшество, – веско проговорила я.

– Хорошо. Я передам вашу просьбу архиепископу. Но большего обещать не могу. Его святейшество действительно очень занят в эти дни. Боюсь, это может не слишком хорошо сказаться на его здоровье, – печально добавил он.

Я подумала, что в некотором смысле разделяю эти опасения. Как бы занятость главы церкви не привела к фатальным последствиям для здоровья, пусть не по тем причинам, которые имел в виду преданный помощник.

– Быть может, вы захотите передать архиепископу краткую записку с изложением вашего дела? – предложил церковник. – Это могло бы помочь.

– Хорошо, – кивнула я.

Пересела за соседний столик, на котором имелись как бумага, так и пишущие принадлежности, и вывела на шершавом прямоугольном листе несколько строк:

Ваше святейшество!

Прошу Вас уделить мне несколько минут Вашего бесценного времени.

Подробности нельзя доверить бумаге, но речь идет о небезызвестном вам артефакте. Я предполагаю, что Вашей жизни угрожает опасность.

На этот раз ждать пришлось значительно дольше, но ответ снова меня не порадовал. Заслышав шаги, я понадеялась увидеть в дверном проеме золотую сутану, но вместо этого пришлось довольствоваться серебром: в комнату снова вернулся все тот же помощник.

– Увы, – развел руками он. – Его святейшество внимательно ознакомился с вашим письмом. Он просил передать, что чрезвычайно ценит вашу заботу о нем и то важное дело, которым вы занимаетесь. Но его сегодняшнее расписание никак не позволяет выделить время для дополнительной встречи. Архиепископ предлагает вам прийти к нему в пятницу и разделить с ним обеденную трапезу. Это позволит обсудить столь важную тему без излишней торопливости.

– Но, – я взволнованно вскочила на ноги, – дело не требует отлагательств. Речь идет о его, архиепископа, жизни и смерти! Неужели он этого не понял?

– Он все понимает, – примирительно, улыбаясь моей эмоциональности, ответствовал священник. – Но его удерживают слишком важные заботы. Сегодня он встречается с главами церквей нескольких государств. Есть также несколько дел частного характера, которые наш архиепископ не готов отложить. Речь идет о тяжелобольных людях, которые пришли сюда с просьбой об исцелении. В их случае не только часы, но и минуты ожидания могут стать роковыми.

Помощник немного помолчал, предоставляя мне возможность оценить важность причин вынужденной отсрочки.

– Его святейшество также просил передать, что понимает, о каком артефакте идет речь, и постарается позаботиться о его сохранности. Что же касается охраны резиденции, то ею ведает дворцовая система безопасности. И разумеется, если его величество сочтет, что требуется внести какие-то изменения, архиепископ не будет возражать. Однако его святейшество считает, что и резиденцию, и храм охраняют достойнейшие люди, которые прекрасно справляются со своими обязанностями. Он не имеет никаких причин не доверять этим людям. Все это, разумеется, его собственные слова. Что же касается возможной угрозы, архиепископ согласен, что такое предположение не лишено оснований, но считает, что на все воля Божья.

Я резко выдохнула. Очень хотелось в довесок закатить глаза и выругаться, в идеале не слишком цензурно, но этого я себе позволить не могла. Охотник мог нанести удар в любой момент. Казалось, мы его опередили, но теперь выходило, что он получал все шансы опередить нас.

Делать, однако же, было нечего, и я сочла за лучшее удалиться, впрочем, настойчиво протранслировав священнослужителю, что архиепископ или его представители должны обратиться ко мне в случае любых мало-мальски странных или подозрительных происшествий.

* * *

Погоду в столице я могла бы назвать теплой, если бы не промозглый ветер, то забиравшийся под куртку и подхватывавший дремлющие на мостовых листья, то снова стихавший, как не бывало. Небо все больше пряталось за облаками, но иногда и приоткрывалось, стеснительно поглядывая на шествующих по делам прохожих. Май – коварный месяц. Ни в чем нельзя быть уверенным до конца, нигде не стоит искать стабильности… Даже когда идешь себе спокойно по городу, никого не трогаешь, есть шанс внезапно наткнуться посреди улицы на принца. Да, предполагаю, что шанс невысокий, но мне на этот раз повезло.

Его высочество Орвин дель Фронси в своем рыжеволосом облике путешествовал верхом, но, завидев меня, спешился и перебросил поводья не то охраннику, не то слуге, каковых его сопровождало целых двое. Я недовольно поджала губы:

– Все-таки разыскали меня? Неужели во дворце не нашлось важных государственных дел?

– Вы – сама любезность, – заверил принц, подстраиваясь под мой шаг.

Шагала я быстро, но избавиться от навязанного общества это не помогало.

– Любезность, изящество, хорошие манеры – не мои сильные стороны. Говорю же: возвращайтесь во дворец. Там масса придворных дам, которые, уверена, с радостью продемонстрируют вам эти качества.

– Зато ни одна из них не станет так смело при мне раздеваться.

– Это заявление не делает вам чести, – парировала я, заставив Орвина сердито прищуриться. – Но я, видите ли, могу не только это. Я способна еще и стилетом ткнуть, если мне что-нибудь не понравится.

– Меня в том числе? – приподнял брови он.

– Вас не в последнюю очередь. Можете передать это своему отцу. О подробностях нашего увлекательного путешествия вы ведь ему уже сообщили?

– Можете в этом даже не сомневаться.

– Я и не сомневаюсь. – Я скривилась, стараясь своим внешним видом продемонстрировать, как отношусь к доносчикам. – О том, как отважно бросились в гущу битвы, тоже рассказали?

– Я не вдавался в такие детали.

– Жаль.

– Отчего же?

– В этом случае его величество запер бы вас в чулане, а я бы спокойно занялась делом в одиночестве.

– Вы очень его любите, верно?

– Кого? Его величество? – Я так опешила, что аж остановилась посреди дороги.

– Одиночество, – насмешливо поправил принц.

Сказав это, он продолжил путь, и мне пришлось поторопиться, чтобы его нагнать.

– Обожаю, – искренне ответила я. – Жить без него не могу.

– А как же ваш зеленый червяк?

Во фляге возмущенно булькнуло.

– Змий, – поправила я.

– Ну змий, – нехотя согласился принц.

– С ним очень комфортно. Он не дергает меня, я не дергаю его. Мы можем не разговаривать по нескольку дней, если не о чем. Однако вернемся к его величеству. Вы поведали ему о моем своеобразном доспехе?

– Конечно.

– И о том, как я внезапно вылезла во время боя из предмета вашей одежды?

– Черт, в ваших устах это звучит… интригующе. Но если в общих чертах, то да, рассказал.

– И о моих умозаключениях?

– И о них.

– Прекрасно, – похвалила я. – Из вас выйдет отличный доносчик.

– К чему все это? – с раздражением спросил Орвин.

Я собиралась проигнорировать эту эскападу, но он схватил меня за руку, вынуждая остановиться и разворачивая к себе лицом.

– Чего вы добиваетесь? Этим вашим тоном, оскорбительными замечаниями, за которые я уже давно мог бы отправить вас в казематы? Пренебрежением, как будто ставите себя на сотню ступеней выше всех окружающих? Своим нелепым внешним видом?

– Чего добиваюсь? – прошипела я в ответ.

Голос понизила: на нас и без того начали обращать внимание. Принц тоже это заметил, отпустил мое запястье, и мы продолжили путь, шагая вровень, нога в ногу, но избегая смотреть друг на друга.

– Я всего лишь хочу протранслировать вам простую вещь, – процедила сквозь зубы я. – Мне не нравятся ваш отец, вся ваша семья, эльмиррское государство и в особенности его законодательная система. И то, что ко мне приставили доносчика, тоже не нравится. Можете так и передать его величеству. И вы, конечно же, передадите, но вот беда: он и без вас все это отлично знает!

Я прицокнула языком и развела руками, дескать, тут вы ничего поделать не сможете.

– Я тоже это знаю, – заявил Орвин, прилагая видимые усилия, чтобы не повысить голоса. – Но вы могли бы воздержаться от подобных замечаний. Не вам судить о законах государства. Не после того, как вы это государство предали, продали его секреты иностранцам, а в довершение совершили еще одно преступление, сбежав из тюрьмы вместо того, чтобы понести заслуженное наказание.

– А вы большой любитель нравоучений, как я погляжу! – Я крутанулась на каблуках в его сторону. – Но вот что я скажу вам, папенькин сынок, а вы уж сами решайте, передавать это дальше или нет. Столь почитаемые вами законы существуют лишь для того, чтобы горстка богатых и могущественных людей вроде вас могла процветать и жить припеваючи. И вам легко восхвалять правосудие, сидя во дворце и получая решительно все по мановению руки. Но не исключено, что однажды вашему отцу или старшему брату втемяшится что-

нибудь в голову. И тогда в вашу дверь постучатся милые люди в форме и попросят вас пройти куда следует. И вы на собственной шкуре узнаете цену пресловутому закону. Вот после этого я готова снова встретиться с вами и подискутировать на тему эльмиррского права.

Я ускорила шаг. Конечно, отделаться от нежеланного сопровождения это не позволяло, но как минимум я ясно дала понять, что разговор окончен.

Несколько минут прошло в молчании.

– Мне поручено пригласить вас во дворец, – сообщил наконец принц.

– Меня что же, вызывает Эдбальд?

– Нет. Отец считает, что вашего вчерашнего разговора было достаточно, а недостающую информацию вы можете получить от меня и, конечно же, от свидетелей. Впрочем, если захотите аудиенцию, он охотно вам ее назначит.

– Выходит, увидеться с королем по нынешним временам проще, чем с главой церкви, – пробормотала я. – Но кто же горит желанием меня лицезреть?

– Сейчас проходит заседание королевского магического совета. Насколько мне известно, они совещаются с раннего утра. Отец подумал, что вы захотите туда заглянуть.

– Магический совет… – Я покатала эту фразу на языке, как фирменное вино, в качестве которого еще только предстояло разобраться. – Ну что ж. Пожалуй, я тоже не против с ними встретиться. Пойдем пешком? Или мне будет лучше наведаться в конюшню?

– Думаю, мы сделаем проще. Один из моих людей уступит вам своего коня. Вы хорошая наездница, а ехать предстоит недалеко. Не думаю, что это составит проблему.

– Только тому бедолаге, которому придется плестись на своих двоих, – напомнила я. Вряд ли принцы часто задумываются о подобных вещах. – Но вы правы: так будет лучше всего, а расстояние до дворца небольшое.

Сначала мы возвращались по той самой улице, которая прежде привела меня к архиепископу, затем свернули, забирая на восток. День давно вошел в свои права, на центральных городских улицах толпилось немало людей самых разных сословий, конные и экипажи тоже встречались нередко, поэтому продвигались мы со скоростью улиток. Зря я пожалела слугу: пешком мы бы добрались если не быстрее, но точно не намного медленнее.

Я решила воспользоваться затянувшейся дорогой, чтобы побольше разузнать о предстоящей встрече.

– Кто входит сейчас в магический совет? – спросила я у не отстававшего принца. – Состав изменился за время моего отсутствия?

– Меня здесь не было, когда вы… ушли, – напомнил Орвин, запнувшись перед последним словом. Решил не оскорблять меня более точными формулировками. – На данный момент магов в совете пять, и, насколько мне известно, двое из них появились во дворце сравнительно недавно.

– Зеркальщиков двое? – уточнила я.

– Двое, – подтвердил Орвин. – Крон, он же главный придворный маг, и Гилберт.

Я кивнула в знак того, что знакома с обоими. Старая гвардия. Оба приступили к службе при дворе задолго до того, как там появилась я. И по-видимому, благополучно продержались на теплых местах до сей поры. Вполне заслуженно, надо признать. Оба они были зеркальщиками высшего класса, и знала я об этом не понаслышке.

– Есть еще Морвейн Шейд, он занимается всеми видами магии отражений… Если я правильно это сформулировал.

– Правильно.

Магия зеркал, теней и сновидений. Принцип работы имеет нечто общее: во всех трех случаях специалист воздействует на отражение, погружается в соответствующую реальность и – как результат – меняет в настоящем мире нечто, это отражение отбрасывающее. Но на серьезные изменения способен

лишь специалист узкого профиля. Если этот Морвейн – мне, кстати, совершенно незнакомый – занимается всеми тремя видами, значит, ни в одном из них не ушел дальше первой, начальной, ступени. Не хочу сказать ничего плохого: такие маги тоже нередко бывают полезны. Но унаследовать ключ он не мог. Тут кандидатов оставалось только двое: либо Гилберт, либо Крон.

– Кто остальные? – полюбопытствовала я.

Мы ехали через рыночную площадь, и продвигаться теперь приходилось совсем уж медленно. Лошадям это крайне не нравилось. Мне тоже. Но был в безумном скоплении народа и позитивный момент: мы приближались к цели.

– Стихийники, – ответил Орвин, едва мы снова обрели возможность сблизиться и ехать рядом. – Ролтен специализируется на огне и воздухе. Флора – на воде.

Я задумалась, насколько это было возможно, двигаясь пусть уже не по площади, но по весьма людным улочкам.

Ролтена я знала еще со времен своего пребывания во дворце. Он значительно моложе обоих зеркальщиков и, конечно, не так опытен, но все равно не новичок в магическом деле. Водная стихийница Флора была мне неизвестна. Но наличие в совете женщины в целом радовало.

Вскоре мы добрались до королевской резиденции. Охрана у ограды быстро расчистила место от зевак, нас же с Орвином уважительно пропустила. По идее, полученный мною пропуск должен был открывать почти все двери, но я подозреваю, что все прошло столь легко по другой причине. Просто принца здесь умели опознавать даже под личиной.

В зале совета почти ничто не изменилось. Те же высокие колонны, крепкие двери (наследие за?мков, где буквально все создавалось с учетом возможного нападения), стулья с изогнутыми ножками и мягкой коричневой обивкой, длинный стол, огромная люстра, ни разу на моей памяти не использовавшаяся во всей полноте своих возможностей. Профессиональные маги в большинстве своем не любят слишком яркого света, равно как и неоправданных трат на свечи.

Королевский магический совет был в полном сборе, причем, судя по многочисленным записям, бокалам и усталому виду отдельных его членов, заседание длилось долго. Мое появление было встречено всеобщим молчанием.

– Дамы и господа! – Я заговорила у самого входа и продолжала, быстрым шагом пересекая зал. Полагаю, Орвин следовал за мной, но это не более чем логический вывод: сама я его перемещения не отслеживала. – Надеюсь, мое появление не слишком отвлекло вас от важных государственных вопросов. Я бы не стала вам мешать, но дело, с которым я пришла, не менее важное. С некоторыми из вас мы незнакомы, поэтому представлюсь: Йоланда Блэр, зеркальщик, ступень посвящения – третья.

Упрощенная, можно сказать, сленговая формулировка «зеркальщик» наверняка оскорбила отдельных представителей нашей профессии, но это нисколько меня не расстраивало.

– Очень приятно. – Единственная в совете женщина первой встала и протянула мне руку. – Флора Тсенн, маг-стихийник. Специализация – вода. Пятая ступень посвящения.

Количество научных рангов, а стало быть, и значимость каждой новой ступени, разнилось в зависимости от вида магии. В работе со стихиями пятый уровень – максимальный, что давало крайне высокую оценку профессионализму Флоры. Впрочем, для члена придворного совета это было предсказуемо. В зеркальной же науке в теории самой почетной считалась четвертая ступень. Вот только на практике до четвертого уровня глубин никто не добирался уже много веков, ибо путь туда был один – через Первозданное зеркало. А получить к нему доступ было по понятным причинам фактически нереально. Поэтому де-факто высшей ступенью посвящения оставалась третья.

– Морвейн Шейд, – представился высокий мужчина, сравнительно молодой, но и достаточно зрелый для того, чтобы успеть пройти обучение и приобрести необходимый для дворцовой службы опыт. – Мы незнакомы, но я о вас наслышан.

Не знаю, какими мыслями сопровождались последние слова, но прозвучали они уважительно.

– А вот мы знакомы, – вмешался также поднявшийся из-за стола Гилберт. – И позволю себе отметить: я рад снова видеть вас, Йоланда.

Я склонила голову, принимая его приветствие, но пока не решив, как именно следует относиться к такому дружелюбию. Вот с поведением нашего третьего коллеги, Крона, было, пожалуй, значительно проще.

– А я совершенно этому не рад, – ворчливо произнес он, сверля меня неприязненным взглядом из-под морщинистых век. – По моему мнению, вас не следовало снова пускать ко двору.

– Дейл! – укоризненно нахмурился Гилберт, но Крон пропустил его замечание мимо ушей.

– Его величество имеет свое мнение, и, похоже, оно не совпадает с вашим, – осадила зеркальщика я. – Вы можете сообщить ему об этом, если пожелаете.

На это магу ответить было нечего. Эдбальд не любил, когда с ним не соглашались, хотя готов был выслушать спорщика, если дело касалось по-настоящему важных вопросов. Но уж точно не таких, как нынешний.

– Король нанял меня для расследования дела, подробности которого не подлежат огласке. – Я сочла, что лучше будет поскорее перейти к главному. – Но, я уверена, всем вам хорошо известно, о чем идет речь. Вы – сведущие люди, не чуждые политики и умеющие интерпретировать факты. Поэтому предлагаю не ходить вокруг да около, а сразу поговорить начистоту. Это сэкономит нам всем много времени. Что скажете?

На сей раз молчание продлилось недолго.

– Кто-то охотится за ключами от Первозданного зеркала. – Удивительно, но из всех пятерых заговорить решил именно Крон – последний, от кого я ожидала содействия. Голос звучал глухо, словно слова давались магу с трудом. Но я точно знала: дело тут не в почтенном возрасте и не в самочувствии (этот жук еще меня переживет), а в серьезности поднятой темы. – Трое хранителей убиты – или устранены. – Поправка, несомненно, касалась неизвестной до сих пор судьбы итрандийского посла. – О связи между этими преступлениями многие догадываются, особенно те, кто посвящен в тайну ключей. Так что тратить

время на игры в молчанку действительно не имеет смысла.

– Благодарю вас, – сдержанно кивнула я, не питая, впрочем, иллюзий: разумное содействие со стороны Крона не следовало принимать за дружеский жест. – Итак, если тема нашего разговора ясна, я задам следующий вопрос. Вполне очевидно, что один из вас является хранителем четвертого ключа. Может быть, вы готовы сказать, кто именно?

Теперь я внимательно наблюдала за присутствующими. На то, что один из них ударит себя кулаком в грудь и воскликнет: «Да, это я!» – расчета, разумеется, не было. Если этот человек хранил свою тайну до сих пор, не станет выдавать ее и теперь. Меня скорее интересовало, посвящены ли в этот секрет остальные. Если судить по мимике, по прищуренным взглядам, по тому, как члены совета вертели головами, всматриваясь в лица друг друга, ответ представлялся отрицательным. Хотя говорить что-либо однозначно было нельзя: зачастую высококвалифицированные маги – те еще артисты.

– Что ж, хорошо, – проговорила я, предоставив хранителю достаточно времени для признания, а себе – для наблюдений. – Этого следовало ожидать. Придется пока действовать методом исключения. Уважаемая Флора, уважаемый Ролтен, могу ли я попросить вас продемонстрировать свое мастерство? Будет довольно любой малости.

Флора улыбнулась, Ролтен кивнул. Никто не стал спрашивать, зачем мне понадобилось подобное: это и так было очевидно. Никто не может обладать несколькими видами магии одновременно. Нет, работать и с огнем, и с воздухом – это пожалуйста, хоть и такое сочетание даров считалось довольно редким. Но все-таки речь в обоих случаях шла о магии стихий, поэтому колдовской потенциал одного человека мог вместить две подобные направленности. Аналогично обстояло дело с разными видами магии отражений. Погружение в зеркала, тени и сновидения – по сути, взаимосвязанные процессы, и техники для их задействования применяются одни и те же. Но быть одновременно стихийником и, например, зеркальщиком невозможно. Слишком разнородные умения, совершенно не сочетающиеся между собой энергетические потоки. Все равно что иметь сразу два разных сердца, каждое из которых норовит перегонять кровь по-своему. Даже если допустить такое чисто теоретически, человеческий организм просто не в состоянии будет справиться с подобными особенностями.

Поэтому мне было достаточно увидеть собственными глазами, как член совета использует стихию воды, воздуха или огня, чтобы удостовериться, что он – не зеркальщик и, следовательно, никак не может обладать интересующим меня ключом.

Как я уже упомянула, возражать маги не стали, сотрудничали охотно. Флора развела в стороны руки – и от правой ладони к левой потянулась струя воды. Причем не по прямой линии, а описывая дугу над головой стихийницы. Чистая, прозрачная жидкость появлялась ниоткуда и точно так же исчезала в никуда. Это действо продолжалось около минуты. Затем женщина взглядом спросила меня, нужно ли продолжать, я дала понять, что увидела вполне достаточно, и представление окончилось. Краткий поклон – и специалистка по водной стихии вновь заняла свое место за столом.

Следующим на очереди был Ролтен. В отличие от своей предшественницы, он, похоже, любил покрасоваться, поэтому начал с того, что демонстративно закатал рукава, повертел запястьями, а затем вскинул руку в резком, почти пугающем жесте. С его пальцев потянулись вверх, к потолку, огненные нити. Затем они стали переплетаться, образуя самые разнообразные фигуры: огненная пентаграмма, шар, ромб, форма, более всего напоминавшая кленовый лист, светящаяся стрела и, наконец, яркая птица, стремительно облетевшая зал и рассыпавшаяся у ног мага снопом искр.

– Желаете проверить и мои возможности? – поинтересовался Шейд после того, как Ролтен покинул воображаемую сцену.

– Если вас не затруднит, – пару секунд поколебавшись, кивнула я.

Маг встал, взялся рукой за спинку собственного стула, отбрасывавшего в глубь зала длинную тень. Из-за особенностей освещения она сильно искажала очертания оригинала. Воздействовать на реальность с ее помощью было бы нелегко: пришлось бы с математической точностью определять все отклонения. Сложные вычисления требовалось производить и при работе с зеркалами, в особенности – с кривыми, погружающими на второй уровень. Не напрасно в программу факультета отражений непременно включали несколько курсов по математике, хоть это и огорчало порой романтически настроенных студентов.

Впрочем, на сей раз Шейд не стал ничего менять. Он просто шагнул в тень – и исчез. Я поймала себя на том, что с интересом и некоторой долей тревоги (результат давно приобретенного инстинкта) оглядываю зал. Откуда появится маг? Не вырастет ли из-под земли прямо за моей спиной? В итоге все оказалось проще. Морвейн вышел из тени, которую отбрасывал чахлый фикус, росший в горшке шагах в двадцати от упомянутого выше стула. Я благодарно кивнула, он улыбнулся и проделал обратный путь обычным способом.

Что ж, говоря откровенно, эта демонстрация, в отличие от предыдущих, ничего не доказывала. Да, конечно, я увидела, что Шейду подвластна магия теней. Из этого следовало, что он – специалист широкого профиля. Иными словами, умеет всего понемногу. Магическая энергия распыляется между несколькими взаимосвязанными сферами, позволяя достигнуть в каждой из них неплохих результатов… но не более. К примеру, зеркальные глубины доступны ему на первом уровне, возможно на втором, но вряд ли на третьем. А значит, маловероятно, что именно Морвейн стал хранителем ключа… Ключевое слово – маловероятно. Гарантии все равно не было. Как ни крути, он занимается магией отражений и, пусть чисто теоретически, мог бы унаследовать артефакт…

– Больше никто ничего не хочет мне сказать? – исключительно для проформы полюбопытствовала я, когда все пятеро членов совета снова сидели на своих местах.

– Я надеюсь, вы не рассчитываете, что я стану показывать вам фокусы наподобие циркача? – ворчливо осведомился Крон, нисколько не беспокоясь о том, что его слова вполне могли обидеть тех его коллег, что согласились продемонстрировать свои возможности.

Гилберт покосился на него с видимым неодобрением.

– В этом нет необходимости, – с фальшивой улыбкой заверила я. – Ваши способности мне известны. Ну что ж, господа, подведем итог. Один из вас хранит ключ от Первозданного зеркала, но не желает сей факт афишировать. Я могу его понять. Но крайне рекомендую в ближайшее время обратиться ко мне тет-а-тет. Или переговорить с его высочеством, если довериться мне этот человек не рискует. Не забывайте, что за ключом, а следовательно, и за вами ведется охота. А мы не сможем предоставить хранителю защиту, если не будем знать, кого защищать.

– Вы полагаете, – скептически проворчал Крон, – что можете такую защиту обеспечить? Хранитель ключа, кем бы он ни был, – сильный маг. Полагаете, Йоланда, что вы – сильнее?

– Нет, – покачала головой я. Затем сочла нужным уточнить: – Возможно, но совсем не факт. Я просто полагаю, что два зеркальных мага сильнее одного. Особенно когда речь идет о борьбе с таким… талантливым Охотником. Однако мое дело предупредить. Решение за вами, господа. На этом позвольте откланяться. Я и так задержалась дольше, чем планировала.

Я двинулась в направлении выхода, но, не дойдя всего с десяток шагов, резко развернулась. Принц, следовавший за мной по пятам, едва не врезался мне в спину.

– Чуть не забыла, – всплеснула руками я и вернулась назад, правда, всего на пару метров. – Четыре с половиной года назад один из вас, господа… как бы выразиться точнее… обеспечил мне весьма интересную жизнь.

Лица членов совета, и без того напряженные, теперь словно окаменели. Стали особенно хорошо видны морщины, не пожалевшие Гилберта и Крона: магия магией, но возраст брал свое. Скулы Ролтена заострились. Флора и Морвейн оставались, пожалуй, спокойнее остальных, но тоже взирали на меня с ярко выраженной настороженностью.

– Я не говорю о тех, кто оборудовал мою камеру, – между тем продолжала я. – Вы выполняли свой долг, и я не имею к вам никаких претензий. Но кто-то, – я медленно обвела взглядом присутствующих, – лично позаботился о том, чтобы я туда попала. Так вот, для этого человека – одно маленькое уточнение. Всепрощение не входит в число моих сильных сторон.

Я напоследок улыбнулась, не менее фальшиво, чем прежде, и покинула зал, больше не останавливаясь. Принц вышел следом, чертыхаясь сквозь зубы.

– О чем вы думали? – напустился на меня он, когда мы отдалились от зала совета. – Испортили отношения с магами? Как раз с теми, кто мог оказать помощь в расследовании?

– Испортила? – удивленно приподняла брови я. – Чтобы испортить отношения, они для начала должны быть хорошими. Это во-первых. А во-вторых, о какой помощи в расследовании может идти речь? Кто такие в нашем деле эти маги?

– Кто? – раздраженно спросил Орвин.

– Для начала, один из них – хранитель ключа. То есть жертва. Будущая или потенциальная. Кроме того, один из них вполне может оказаться нашим Охотником.

– Почему вы так думаете? – уцепился за мои последние слова принц.

Выражение недовольства разом слетело с его лица.

– Ну кто-то ведь должен оказаться Охотником, – усмехнулась я. – И, поверьте, это будет не огромный варвар с луком и стрелами, а, к примеру, морщинистый старичок с мудрыми глазами и правом входить во дворец в любое время суток. А может, милая девушка с чарующей улыбкой, как знать. В одном мы можем быть уверены: этот человек – очень сильный зеркальный маг. Даже не говоря обо всем, что ему уже удалось совершить, слабаку попросту нечего делать с Первозданным зеркалом, хоть бы он не семь, а семнадцать ключей от него получил. Он умен, талантлив и незауряден. И как минимум два таких мага остались сидеть в зале, из которого мы только что вышли.

– Вы полагаете, Крон или Гилберт…

Похоже, принцу не слишком в подобное верилось, но и отметать такой вариант сейчас, после того, как я его озвучила, Орвин не спешил.

– Я не знаю, – честно ответила я. – Пока на них не указывает ничто, кроме незаурядного магического уровня. Но сбрасывать такую версию со счетов точно нельзя. Так что в том зале, – я слегка отклонила голову назад, – остались не напарники-дознаватели, ваше высочество. Там остались потенциальная жертва и потенциальный преступник. Вести расследование вместе с любым из них по меньшей мере нелогично.

Принц поджал губы: видимо, все еще считал, что я повела себя с магами неправильно.

– Куда отправимся теперь? – холодно спросил он.

– В институт, разумеется, – в тон ему откликнулась я. – Последний ключ принадлежит им. Не считая королевского, разумеется. Но вряд ли мне удастся допросить членов королевской фамилии.

В лицо подул свежий ветер, стало зябко. В жилые покои меня никто не приглашал, а значит, чтобы покинуть дворец, следовало пройти по арочному коридору, одной стороной выходящему наружу и незастекленному. Сразу стало шумно. Слуги перекрикивались между собой, кто-то вез скрипучую тележку, вдалеке заржала лошадь и кто-то витиевато выругался: должно быть, чуть не попал под копыта.

– Кстати сказать, эти двое вполне могут оказаться одним человеком.

Не знаю, зачем я произнесла это вслух. Обдумывала про себя и обдумывала, к чему обсуждать предположения с кем попало? Неужели возникло желание поделиться своими мыслями после стольких-то лет? Или я просто захотела сгладить напряженность, возникшую между мной и принцем наподобие туго натянутой струны?

– Как это понимать? – нахмурился он.

– Охотник и жертва. Вам не приходило в голову, что преступником может оказаться обладатель одного из артефактов?

– Честно говоря, нет. Почему вы так решили?

Я неопределенно пожала плечами:

– Во-первых, он должен был откуда-то узнать о ключах. Общедоступной я бы эту информацию не назвала, хотя в магических кругах осведомленных, конечно, немало. Ну и во-вторых, знаете, с чего начинается бо?льшая часть коллекций? Человеку в руки совершенно случайно попадает один предмет или два.

Старинная монета, кинжал с вычурной рукоятью… или, например, древний артефакт. На улице нашел, подарил кто-нибудь или по наследству перепало. И в один прекрасный день приходит человеку в голову мысль: а не собрать ли побольше? – Я многозначительно посмотрела на принца.

– Думаете, один из семерых решил, что своего ключа ему мало, и было бы неплохо собрать полную «коллекцию»? – развил мою мысль тот. – Заполучить остальные шесть и открыть проход к зеркалу?

– Довольно красивая версия, не находите? – хмыкнула я. – Хотя, конечно, как и все красивое, она вполне может оказаться несостоятельной.

– Вы так не любите красоту? – осведомился Орвин со свойственным ему (в отношении меня) неодобрением.

– Я в нее не верю, – поправила я. – Это разные вещи.

Глава 5

Институт магии и стихий

Принц явно схитрил, спросив меня во дворце, куда мы пойдем в следующую очередь. Когда мы вошли в приемную и сообщили секретарю, что хотели бы поговорить с ректором, оказалось, что нас уже ждут. Стало быть, встреча была назначена заранее, а поскольку я этим не занималась, вывод напрашивался сам собой.

Разумеется, я успела испытать укол ностальгии при виде массивного каменного здания и аркообразного дверного проема, величественность и архитектурная специфика которого навевала мысль о вратах старинных городов. Когда-то я сама училась в этом институте, и ничто в ту пору не предвещало последовавших событий, повернувших весь ход моей жизни в совершенно новом направлении. Однако болезненное покалывание в груди прекратилось так же быстро, как и началось. Каким бы знакомым ни был фасад, внутри слишком многое успело измениться.

Огромные массивные люстры с множеством свечей исчезли, уступив место более современным светильникам. От узкой металлической ножки расходились в разные стороны семь лучей, каждый из которых увенчивался овальным плафоном. Пламя внутри поддерживалось и регулировалось при помощи стихийной магии, а источником служил огонь, круглосуточно поддерживавшийся в располагавшихся по периметру здания каминах.

Справа и слева от широкой, устланной красным ковром лестницы расположилась пара дюжин столов, предназначавшихся для желавших позаниматься в свободное время студентов. Об этом свидетельствовали и писчие принадлежности, и встроенные учебные наборы: небольшие зеркала, как обыкновенные, так и кривые; фигуры причудливых форм, которые, в сочетании с разнообразными лампами, использовались для создания теней; миниатюрные факелы для работы с огнем и многое другое. В мое время это пространство пустовало, подчеркивая тем самым величественность старинного здания, чем-то напоминавшего храм и внушавшего трепет новичкам, а порой и старожилам. Теперь же место использовали более приземленным, зато рациональным образом.

Кроме того, здесь было безумно много народу. Я, хоть убейте, не могла припомнить таких толп и такого гама, и с трудом удерживалась от желания потерянно схватиться за руку своего сопровождающего. Будто не я, а он был выпускником этого института. Временами то по лестнице, то в направлении какой-нибудь аудитории прокатывались целые людские волны, и я, привыкшая к отшельничеству, чувствовала себя более чем некомфортно. Неужели за последние годы число студентов возросло в несколько раз? Или мне попросту изменяет память и оттого кажется, будто прежде «трава была зеленее»?

Ответ обнаружился, едва секретарь, тридцатилетняя женщина в массивных очках, слегка ее старивших, предложила нам проследовать за ней в кабинет.

– Сегодня день открытых дверей, – с тщательно сдерживаемым и все же проскальзывающим недовольством сообщила она. – Господин ректор чрезвычайно занят. Но для вас он, конечно же, нашел время.

Я сделала вид, будто поправляю прическу, чтобы скрыть усмешку. Готова поставить семь магических ключей против хлебной крошки, время в забитом под завязку расписании искал не ректор, а именно секретарь. Оттого она так и сердита. А может, действительно радеет за измотанное вконец начальство. День

отрытых дверей – штука, без сомнения, нервная. Даже меня проняло, а мне всего-то и требовалось, что подняться по лестнице да пройти по коридору. А тут всю ораву абитуриентов, многие из которых, кстати сказать, пришли с родителями, приветить, снабдить листочками с ключевой информацией, распределить по аудиториям, заинтересовать и по возможности убедить в том, что именно этот магический институт – самый лучший. И как только нас согласились принять в такой день? Впрочем, догадываюсь как: принцам в их ненавязчивых пожеланиях не отказывают. Может, стоит предложить Орвину стать моим секретарем, когда все закончится? В этом качестве ему просто-таки не будет равных. Впрочем, вряд ли он оценит такое предложение.

Профессор Исберт Крофт оказался мужчиной за сорок, долговязым, светловолосым и слегка рассеянным, хотя последнее вполне могло быть связано с волнением, буквально посверкивавшим сейчас в его глазах. В придачу он вечно теребил пуговицу расстегнутого камзола и отвлекался от этого процесса лишь для того, чтобы не менее нервно пропустить через пальцы длинноватую челку.

– Я рад приветствовать вас в нашем институте, ваше высочество, и вас, госпожа…

Он запнулся, отчаянно пытаясь вспомнить мое имя, и я, пожалев беднягу, подсказала:

– Йоланда Блэр. Можно просто Йоланда: как-никак я ваша выпускница.

– В самом деле? – оживился Крофт.

– Ну, строго говоря, это было во времена предыдущего ректора. Но да, я закончила обучение в этом институте.

– Очень рад это слышать. А может быть… – Его глаза сверкнули безумным блеском, и я уж было подумала: а не родилась ли в мозгу исследователя гениальная научная идея, которая теперь заставит его начисто забыть о нашем присутствии? Но ректор развеял мои опасения, вопросив: – А не хотели бы вы рассказать нашим абитуриентам о своем опыте? На каком отделении вы обучались, что вам понравилось, что не понравилось (хотя об этом, конечно, лучше бы поменьше), что особенно запомнилось? Вы не волнуйтесь, длинная лекция не нужна. Так, минут на сорок, больше, я думаю, не надо…

Секретарь, оставшаяся в кабинете, кашлянула, и ректор мгновенно сник.

– Ах да, я понимаю, вы здесь не за этим, – печально констатировал он. – О чем же вы хотели поговорить?

Я с сомнением покосилась на секретаря:

– Профессор Крофт, может быть, нам будет лучше побеседовать наедине? Дело, по которому мы пришли, довольно щепетильное.

– О, вы можете смело продолжить при магистре Торренс, – с улыбкой заверил ректор. – Она в курсе всех дел института, да и моих тоже. В том числе и щепетильных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/olga-kuno/sem-klyuchey-ot-zazerkal-ya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити